

Марқелман Летучий

*Солдат никому
не пишет*

Зачастую необычные происшествия или вещи берут свой корень из самой серой обыденности. Рохард — обычный флудмундский охотник, тщетно пытающийся сбежать и спасти из охваченной смутой междоусобиц страны свою семью. Но этим планам не суждено сбыться, как его внезапно нагоняет призыв в ряды местного ополчения. Там он знакомится со своими будущими соратниками по оружию, с которыми очень скоро будет придётся пройти не одно испытание.

Претерпев все бедствия огненного горнила войны, Рохард проходит через идейное перерождения, становясь со своими друзьями на новой, опасный путь, который приведёт его либо к вечной славы в народном сердце, либо же к жестокой и бесславной гибели.

— Проклятая погода, разбушевалась, как в адском котле!

Действительно, на памяти жителей Северного Флодмунда подобное неистовство стихии было замечено в последний раз лишь их отцами. Необозримые нивы небесного свода были сплошь укрыты мрачным и грозным свинцовым навесом из облаков, обильно произлевающим на головы смертных буйные потоки воды, хлыстающих их в виде нескончаемых стен крупных дождевых капель, под натиском которых не слышно и слов собеседника, стоящего в двух шагах от вас. Могучий ветер, гонимый с гор, в порывах бешенства неистово завывал и нёсся в иступленном галопе над долинами и полями Флодмунда, преклоняя перед собой столетние деревья, ломая спины непокорных, вырывал с корнем кусты и заставлял в панике разлетаться во все стороны света черепицу с домов. Угрюмое полотно, нависшие над головами жителей, то и дело разряжалось сияющими вспышками молний, беспорядочно метущихся в своём страшном веселии с одного облака на другое, озаряя блистающим светом подёрнутую мглой землю. Сопровождалось это поистине страшное действие ревущими раскатистыми громами, рассыпающимися бесчисленными отголосками в горах, гул которых принуждает сердца обывателей каждый раз вздрагивать в животном страхе и молить духов о пощаде и прекращении их гнева.

Вполне естественно, что всякая благоразумная тварь поспешила укрыться в надёжном месте, пока злоба небес благополучно не стихнет. Однако, как вы могли уже заметить, скрылись не все. Одиноким путник, одолеваемый промозглой сыростью, пронзающей не только плоть, но и сами кости, укрытый в длинную холщевую накидку, бичуемую небесными потоками, неопределённого цвета льняной камзол, коричневые толстые перчатки до самого локтя и грубые высокие сапоги с внушительным раструбом, полностью покрытые дорожной грязью, медленно, но верно пробирался по улице городской окраины, неся на своей могучей спине внушительный мешок, содержимое коего покамест останется тайной. Грозно ежечасно увязнуть в местном болоте, которым становятся большинство улиц Флодмунда после подобных погодных происшествий, да, по правде говоря, после любых осадков, он, тем не менее, ни мало не сбавлял обороты своей спешной ходьбы, дерзко огибая бездонные лужи, — в одной из которых безвестно сгинул его сосед после прошлого ливня, — что, по видимому, говорило о том, что наш субъект куда-то спешил. Рыская по улице, он, как будто не обращая должного внимания на бурю и происходящий повсюду хаос, да весь час что-то самоупоенно бубнил себе под нос.

— Правильно, надо, надо отсюда бежать, бежать куда угодно, — с жаром убеждал сам себя путник, — ведь, что за жизнь ждёт детей в этой стране? Сколько лет мы сидим в этом балагане и никак не можем выбраться? Бежать, бежать хоть в Дартад! Хотя, впрочем, почему "хоть"? В сущности, если верить словам этого доброго господина, — сама его одежда и манеры говорят, что он имперский дворянин, — то народ там пребывает в благополучии, — тучные нивы охотно изрыгают свои богатства, стоит только их засеять, всегда есть возможность сменить себе хозяина или вовсе уйти под лоно государства, а, к тому же, что наиболее важно, последнее время они сменили свои воинственные амбиции на мирное устройство, так что там нам не будет угрожать опасность разорения вражескими войсками; почтить Императора за Бога — на те, пожалуйста! Хоть пень коцопалый, лишь бы было, чем набить пентюх, — самое главное, чтобы там не прознали, что мы из Флодмунда.

— Остфар тоже неплохая страна, — продолжил человек, держа совет сам с собой, — армия там сильная, земля поплодородней нашего, да и в делах у них, как слышал, покамест не полный разлад. Флоревэндель, по словам купцов, суший рай — земли цветов и вина, текущего, как сейчас этот проклятый ливень, — но что-то мне не верится, — эти паскуды всегда обманывают и ищут себе выгоды, чесо ради теперь я должен им верить? Впрочем, всё одно, куда бежать, — главное уйти с этих земель, а там уж видно будет.

Судя по тому, что после этих слов человек сомкнул свои уста, он был полностью удовлетворён своим решением.

Наконец, перед его взорам вырос двухэтажный домишко, выстроенный из дерева, покрытой сверху глиной, и с островерхой соломенной крышей... Должно быть, некогда этот дом представлял собой замечательный образец народной архитектуры Флодмунда, однако время и неустройство дел в стране знатно подточили благолепие этой обители. Несмотря на это, жилище охотника, — ну вот, проговорился, — отличалось значительно большей привлекательностью, чем соседние, накренившиеся в изнеможении сил, халупы.

Отворив хлипкую на вид калитку, человек юркнул под дверь жилища и быстро вник в сени. С глубоким вздохом, он бережно скинул с плеч тяжёлую ношу и, не успев толком снять промокшую до ниток накидку, был в миг окружён своим семейством. Дети, что неокрепшие птенцы, голосили во всю глотку, и, активно хлопая своими клювами, весьма недвусмысленно намекали, что неплохо бы подкрепить растущий организм. В сущности, это был уже формализованный обряд, за исполнение которого они получали лишь сочный кукиш с маслом, но, к их удивлению, на сей раз тёмную бороду отца семяца озарила светлая улыбка. Стянув плотные перчатки, он запустил правую руку, покрытую молчаливыми свидетелями его неустанных трудов — мозолями, в недра таинственного мешка, из глубин коего был извлечён на всеобщее обозрение кусок хорошего остафарского сыра. По рядам детворы прокатился восторженные возгласы, подобные тому, как простолюдины поражаются махинациям цирковых волшебников.

— Благодарите дартадского господина, дети, — не без торжественности в голосе проговорил *patre familia*, — если бы не его милость, не выдели бы мы нынче этого изобилия ещё долго.

Да, мешок оказался полным съедобной снасти, купленной охотником за городом у сельских торгашей за деньги, данные им одним благодарным аристократом, впрочем,

Это случилось буквально вчера днём. Охотник зашёл в одну из лавчонок на торговой площади города для сбычи своего улова — нескольких подстреленных куропадок, — мягко говоря, не густо, но в условиях нынешнего положения довольно солидный улов.

Вышел он от мясника в пламенеющем воинственном духе, ведь старый прожжённый негодяй по доброй традиции всеми силами пытался непременно обставить охотника вокруг пальцев. Первоначально в ход пустилась оценка дичи, где первая сторона, представленная служителем тесака, всячески пыталась занизить качество товара, а вторая, представленная служителем стрел и лука, наоборот, нахваливала во весь свой словарный запас. Увидев тщетность этой затеи, владелец лавчонки заявил, что ему требуется деньги на лечение грыжи, которую поспешил было показать в удостоверение, но остановился из-за охотника, напомнившего, что он недавно слышал из самих уст страдальца весть о том, что с грыжей покончено. Провалив и этот предмет, мясник внезапно вспомнил о своей многочисленной бедной родне и стариках-родителях, которым необходим уход, хола и лелея, но и этот выпад

охотник искусно парировал упоминанием своей шумной и голодной коголоты детишек. Истоцив запас аргументов по этому поводу, лавочник, изменившись в голосе и напустив на себя грозный и неумолимый вид, которым обычно щеголяют чиновники перед тем, как взять подношение, и напомнил, что, согласно недавнему закону, для охоты в лесах близ городов требуется особое разрешение бургомистра; довольный своей ловушкой, пугалец сам не заметил, что применил против своего оппонента обоюдоострое лезвие, испытать режущие действие которого ему пришлось тут же: охотник ледяным тоном подтвердил слова мясника, однако заметил, что, согласно этому же постановлению, если кто-либо купит дичь, имеющую подозрительное происхождение, то он повинен наказанию в равной степени. Дородная физиономия лавочника в мгновение ока была заволочена мрачным и свирепым выражением, ясно говорящим о том, что совесть у этого достойного гражданина была с небольшими чёрными вкраплениями, явно портящими его благонадёжность. По совести оценив весомый довод супротивника, он прибегнул к последнему патентованному средству, испытанному веками и тысячелетиями: буйному и изощрённому потоку брани, перемежёвующейся с экономическими предложениями. Истоцив до глухоты свои глотки, выпучив до боли свои глаза, досжестикуюлировав до ревматизма своими руками, они, наконец, пришли к компромиссу, иными словами, мясник выплатил сумму большей той, на которую рассчитывал, а охотник получил меньше того, на что надеялся, — то есть, все были недовольны.

Выйдя в задумчивости из лавки, сыпанув на прощанье ей и её владельцу про себя пуд чистосердечных добрых пожеланий о скорейшем заупокое, охотник, судорожно сжимая в длани маленький мешочек с флорингами, так голодный кот сдерживает в своих цепках когтях мышь, побрёл домой через торговую площадь.

Несмотря на то, что в последнее время, из-за вновь ужесточавшегося противостояния земель, торговые дела шли не самым лучшим образом, здесь всё ещё кипела жизнь в своих самых разных проявлениях, тем паче, что, как всегда после праздника, здесь царило деловое оживление. По всей площади разносился шум и гам, различные окрики и вопросы. Площадь заключалась в правильном прямоугольнике, порождённым рядом двух и трёхэтажных зданий старинной постройки, возведённых из красного фульхорского кирпича, что значительно отразилось и на всей конструкции. В основном, это были обиталища всевозможных торговцев и их лавочки. В воздухе витал неописанный аромат, порождённый смешением, казалось бы, всех запахов, которые только могут быть в природе. Неказистые деревянные прилавки, покоящиеся на кой-как вымощенной площади, были заполнены товарами первой необходимости, не могущими дать наслаждение телу, но могущие помочь ему не уйти в иной мир раньше срока. Горластые торговцы и торговки, — знающие люди говорят, что у этих жрецов кошелек голос может перекричать самый неистовый шторм и заглушить шум бушующих волн, — во всю мочь своих лёгких увлекали проходящий люд своими зазывалками, ревущими подобно быку в брачный период, нахваливая на все лады свой бесценный, как сарихадунхьорские самоцветы, товар, которого, согласно их авторитетным словам, не встретить более во всём мире, хоть пройди от края земли до края. Однако, как говорят недобрые языки, если пройти чуть дальше по улице к городским окраинам, то с большой долей вероятности вы встретите тот же самый товар, но по значительно меньшей цене, — верить этому или нет, решать вам. Этот громогласный зов коммерции причудливым образом сливался с гомоном, порождаемым праздным людом, притёкшим на рынок не столько с целью нечто приобрести, сколь набраться сплетен и старательно обмыть кости

злобе дня.

Покупатели с важным или подавленным видам, в прямой зависимости от материального благополучия, прохаживались меж рядов, периодически вступая в короткие диалоги с продавцами, конец которых столь же периодически переходил в брань. Сорванцы-мальчишки шныряли меж рядов быстрокрылыми стайками, поглядывая завидящими и алчущими глазками на раскинувшиеся товары, — частенько после подобного зрительного контакта вещь таинственным образом перемещалась в карман проныры, вслед за чем, как правило, следовал душераздирающий крик торговца с немедленной погоней и облавой на негодного воришку; в случае поимки мальчика при наилучшем раскладе событий просто-напросто избивали до нужной кондиции, при воспоминании которой у него впоследствии должна была отпадать сама мысль о рецидиве, при наихудшем же отрезали пальцы, дабы они впредь не брали чужого, или вовсе отдавали в цепкие руки правосудия, вердикт которых не смог бы предсказать и пророк.

Различные бродяги и люди сомнительной внешности с нарочитой рассеянностью и бесстрастностью как бы бесцельно расхаживали по рядам, одними оком взирая на прилавки, а вторым проворно рыская по чужим кошелькам и карманам в поисках наживы. Выбрав рентабельную цель, бродяга условным знаком давал знать своим подельникам об обнаружении солидного лова, после чего шайка ободранных мужчин начинала неотступно следовать за ходячим мешком, ровно до того момента как не подворачивалась удобная возможность благородно высвободить и облегчить карманы незнакомца от тяжкой ноши. Кажется, именно сейчас перед глазами охотника происходила подобная сцена.

Молодой мужчина, расфранчённый по последней дартадской моде, одетый в приталенное полукафтанье из чёрного льна, с невозмутимым видом прохаживал меж прилавков, оглядывая товар с таким видом, что будто бы он делал это скорее благодаря научным интересам, нежели из-за практических соображений. За ним по пятам следовала подозрительная шайка из городской рвани. Пройдя, наконец, торговые ряды, так и не заметив "хвост", он повернул, как нарочно, прочь по одной узкой и немногочленной дорожке, и, повернув за угол, исчез из поля зрения охотника, точно также, как и группа оборванцев, уверенно последовавшая за иностранцем в сокровитные недра города.

Мужчину объяли сомнения, с одной стороны, он должен помочь незнакомцу в столь тяжкой ситуации, ведь в противном случае он окажется совершенно один, в незнакомой стране, да и в доверок без ломаного гроша в кармане. С другой же стороны, о помощи его, вроде бы, никто не просил, да и дома его ждёт жена с шумной оравой детишек, у которых он единственный кормилец. Возможно, охотник бы колебался подобно маятнику и дальше, но внезапно раздавшейся пронзительный вопль, — с усердным видом проигнорированный другими горожанами, не желавшими лишних проблем на свои головы, — вывел его из тягостного размышления. Со свойственной ему профессиональной прытью, он сломя голову пролетел коварную улочку и, обнажив на ходу кинжал, нырнул за злополучный угол.

Тотчас некий острый предмет просвистел у него над ухом, срезав на ходу несколько волосинок с головы. Ещё до конца не осознавая происходящего действия, отважный охотник с головой ринулся в бой с неизвестным нападавшим, резко отгадующим смрадом уличных отходов и солёной рыбы. Удар, блок. Чья-то крепкая рука с силой тисков хватает за левое плечо, но охотник тут же освобождается благодаря приёму, воспринятому им от наставника. Опять удар, на этот раз удачно, сжатый кулак, попавший в печеньку, заставляет противника высыпать из глаз снопы искр. Вновь кинжал блеснул перед лицом, медлить нельзя. Охотник

молниеносно ударяет рукоятью своего оружия по шее оборванца, а затем, свалив того на колени, от души бьёт башмаком аккурат в узкий лоб. После этого убедительного аргумента нескладное тело нападающего обмякло и преспокойно опочило на земле, не проявляя более какой-либо враждебной активности. Разобравшись со своим оппонентом, охотник перевёл внимание на окружающую среду, верней, на другого негодяя, воинственно поднявшего свой повидавший виды меч над головой и чрезвычайно любезно подставившего свою спину под удар. Не вдаваясь в рассуждения, охотник схватил кинжал и, прицелившись, метнул его, поразив бандита прямо в спину. Из груди поражённого вырвался некий приглушённый звук, порождённый болью и злостью, но тотчас же был заглушён другим, хриплым и истощным, вслед за которым тело беспомощно рухнуло наспину наземь, сочась кровью в области груди.

Среди переулка выросла высокая тёмная фигура, окружённая неподвижно лежащими телами, в левой руке, облачённой в белую перчатку, он сжимал искривлённый меч странной формы. С полным невозмутимости видом незнакомец склонился над бездыханным телом, орошённым алыми потоками ещё горячей крови и вытер лезвие об лохмотья. Затем при помощи правой ноги он перевернул тело на брюхо и вытащил торчащий меж лопаток кинжал. Этого времени охотнику было предостаточно чтобы распознать клинок по характерной г-образной форме, — это был дартадский сангвигладес, смертоносное орудие, способное пробивать доспехи как ореховые скорлупки, играя пробивать щиты и вырывать целые куски мяса при ударе по незащищённому противнику. Тем временем, когда сангвигладес был приведён в надлежащее состояние, а кинжал высвобожден из плена, незнакомец быстрым движением бесшумно опустил меч в ножны. Кинжал же, в свою очередь, аналогичным образом был спрятан где-то на поясе. Казалось, он только после этого заметил присутствие постороннего лица, что он и попытался незамедлительно исправить, переместившись к своему неожиданному союзнику. Он был высок, невероятно высок, раньше охотник думал, что такими бывают лишь морфиты, однако теперь воочию увидел, что ошибался, ведь, несмотря на невероятный рост, это был определённо человек. Овальное лицо было отмечено резкими, но правильными чертами. Русые кудри изящно вились над пронизательными серыми глазами, в блеске которых смутно чувствовалась некая горечь, и тонким, аккуратным точёным носом, придающим лицу аристократичную красоту. Незнакомец, сперва небрежным движением снял с правой руки перчатку и протянул её вперёд для рукопожатия.

— Квинтиллиан Туллий Магнификус, — отчеканил он, внимательно вперив свой взгляд на охотника, ожидая его реакции. Охотник заколебался, знатный дворянин вражеской державы демонстративно подчёркивал, что признает его равным, это просто невозможная история! Должен быть, он спит, хотя... нет-нет, это не сон, даже мрачная голова безумца, витающая в миражах и видениях, не может породить такого. Быть может, это западня? Но, в сущности, кому-то нужна его скромная персона? Всё ещё недоумевая в себе, охотник медленно, как выползающий после травли зверь, и робко, как запуганный заяц, протянул свою руку в ответ, сломленный выжидательным видом незнакомца.

— Рохард Гейбрин, — представился в свою очередь охотник, крепко сжав руку.

— Думается, это ваше? — вежливо осведомился Магнификус, изящно протягивая вынутый из спины кинжал.

На губах Квинтиллиана заиграла слабая довольная улыбка, понять причину которой Рохард был решительно не в состоянии. Решив не тратить зря время на пустые догадки, он прямо спросил об этом.

— Забавно, — медленно протянул Магнификус, — забавно, что вы решили прийти мне на помощь, рискуя жизнью, хотя нисколько не были обязаны это делать, не говоря уже о том, что, по всей видимости, вам так же необходимо блюсти благополучие своей семьи.

— Как вы узнали? — единственное, что пришло в голову Рохарду.

Вместо словесного ответа Квинтиллиан молча устремил свой взор на безымянный палец охотника, где, как это было принято в Флодмунде, находилось серебряное обручальное кольцо.

Сконфуженный Рохард, осознав неуместность вопроса, быстро попытался перевести нить разговора в другую плоскость.

— Прошу прощения, господин, за столь дерзкий вопрос, но мне хотелось бы узнать, что привело Вас в эти забытые Небом края и почему вы так открыто и по-равному со мной общаетесь? — Конечно, вопрос был в наивысшей мере дерзкий для простолюдина, но, поскольку Магнификус весьма странным образом обращался к Рохару на вы, то тот решил всё-таки рискнуть. И не ошибся.

— Понимаю ваше любопытство, — без тени смущения или раздражительности ответил Квинтиллиан, — хоть и не одобряю подобное. Ответ, о причине моего местопребывании в данной стране, боюсь, разочарует вас, ибо он прост и прозаичен: я странник. Этим же и объясняется моё столь странное, как вы верное заметили, поведение.

Ответ был достаточно туманен и неясен, как и подобает тем ответам, которые даются с целью сказать нечто ничего не сказав конкретно, но Гейбрин решил не настаивать на своём, а проявить должный такт и удовлетворится тем, что ему предоставили.

— Прошу прощения, — вновь заговорил Магнификус, — у меня есть к вам одна маленькая просьба, в которой вы мне, надеюсь, не откажете.

— Какую же?

— Сейчас расскажу, только выйдем, для начала, из этого гиблого переулка, а то стоим здесь, словно истуканы, без цели.

Стоило Магнификусу окончить свою фразу, как внезапно он резко обернулся и со всей силы ударил поднявшегося было грабителя, — успешно обработанного до этого Рохардом, — по лицу, окончательно сломав ему нос.

— Проклятье, — процедил Квинтиллиан осматривая некогда белую перчатку, — придётся теперь из-за этого негодяя возиться с кровью. Ладно, идём отсюда...

Просьба дартадца, взаправду, оказалась достаточно легкоисполнимой: по крайней мере, по субъективной шкале Рохарда, — он попросил охотника рассказать ему как можно больше о его Родине, её обычаях, нравах и порядках. На удивление, Гейбрин был достаточно словоохотлив и в красках исполнил прошение, поведав большую часть того, что он знал. Под час почти всего разговора рука Магнификуса то и дело непрестанно совала туда-сюда, фиксируя нечто, — если заглянуть через его плечо, то можно было заметить торопливые наброски, — в записной книжечке, предусмотрительно достанутой перед разговором из верхнего кармана полукафтанья. Наконец, когда альгама из историй, фактов, баек, побасенок и бабьих рассказней были исчерпана, Квинтиллиан быстро захлопнул книжечку, положив её на подходящее место, а затем молча достал из внутреннего кармана таинственный мешочек. Не отводя взгляда от Рохарда, он властно взял его за правую руку, заставил раскрыть ладонь и положил на неё мешочек, заигравший хорошо знакомым каждой разумной твари звоном, звоном, свёдшим с ума многих людей, звоном, разрушавшим многие семьи, звоном, убившим многих ради себя самого.

— Здесь пятнадцать дарлингов, — без всяких предисловий заявил Магнификус, — полагаю, на ближайшее обозримое будущее этого будет достаточно, чтобы страх голода не высился грозной тенью над вашей семьёй.

От неожиданности подобного действия у Рохарда на время отнялся дар речи, верней, он всё-таки промычал пару слов, но они не несли и крупицу информации. Конечно, с одной стороны, этического порядка, ему было несколько неловко, ведь полученная сумма значительно превышала оказанные услуги, но с другой, соединённой с трезвыми и практическими соображениями, отказываться от пятнадцати дарлингов было не менее глупо, так как утопающему не подобает отдёргивать руку от спасителя. К счастью, очередная моральная дилемма была развязана извне, благодаря чему, как во всех подобных историях, совесть охотника была удовлетворена сбросом ответственности на постороннюю личность. Увидев колебания собеседника, Магнификус решительно заявил, что отговоры не принимаются, ведь это означало оскорбить его честь, после чего он пожелал здравия семье Рохарда и, резко обернувшись, ушёл вглубь города. Тем вернёмся к дороге настоящего.

Ублажив детей, впервые ощутивших радость гастрономии за две недели сурового поста, мужчина скинул с ног массивные сапоги, из которых в миг вылились могучие водяные потоки, объёма которых с лихвой хватило бы для приготовления супа на двадцатичленную семью. Наконец, он выскользнул из-под промокшего до нитки камзола, он направился в сердце дома. Теперь, когда наш герой освободился от всего наносного и внимания верхней стихии, мы можем его тщательно осмотреть во всех сторон. Это был поджарый и крепкий мужчина средних лет, в чертах его тела как будто сквозила некая коренастость, но любое малейшее телодвижения опровергало подобное наблюдение. Лицо этого человека представляло собой образец бывалости и выдержки: небольшие тёмные глаза, прикрытые сверху изломанной линией бровей, осторожно поглядывали из своих орбит, над которыми степенно возвышался высокий лоб. Разделялись же глаза аккуратным тонким носом, способным почувствовать малейшие запахи — вещь, незаменимая у охотника; снизу от этого благородного органа располагался небольшой, но решительно очерченный рот с плотно сомкнутыми губами, по всей видимости привыкшими размыкаться только по делу или после пятой кружки; на самом же дне этого ансамбля выступал слегка заострённый подбородок, придававший облику хозяина некоторую изюминку.

После снятия амуниции, он по привычке взбил волосы пятернёй и вступил в главное помещение дома, служившую и гостиной, и кухней, и спальней, и столовой. Это было достаточно обширное и длинное помещение, достигающее 20 футов вширь и 45 в глубину. Вся деревянная стропильно-балочная система, изрядно потемневшая от копоти, была обнажена. В центре комнаты стоял небольшой, массивный и простой стол, обставленный семью грубыми стульями. Восточный конец помещения был ознаменован своеобразной выставкой удач и охотничьих трофеев, тещащих тщеславие хозяина в самые тёмные для него времена — кабаньи клыки, рога быстрых оленей и благородных лосей, страшные черепа менкассов, опустошавших некогда сельские окрестности, ожерелья из медвежьих когтей, перемешанные с различными луками, кинжалами и короткими мечами сомнительного качества, честно добытых в стычках с лесными разбойниками. В крайнем левом углу воздвигалась ведущая на второй этаж лестница с крутыми ступенями, правой от неё находилась собственно говоря, кухня со всей необходимым боевым снаряжением: котёл, шкафчики, черпаки, ножи, кастрюли, сушилки для мяса, меланхолично пустовавшие в ожидании работы, ветки различных трав, грибов и корешков, горшки и прочие не менее

маловажные предметы. Подле же этого царства пиши располагалось у торцовой стены истинное сердце и душа дома — очаг, с стоящим перед ним креслом, единственным в доме. Именно здесь Рохард, как и ожидал, застал свою дражайшую половинку, погружённую в тёмные и тяжкие думы.

Подойдя к креслу неуверенными шагами, он перегнулся через кресло и поцеловал копну русых волос. Тело маленькой женщины непроизвольно вздрогнуло от неожиданности и через миг чёрные заплаканные глаза прожгли душу охотника. В ответ на его немой вопрос, выраженный в сдвиге бровей и огне глаз, она столь же молчаливо подняла с подола своей юбки неизвестный свиток и протянула его мужу. В первую очередь в глаза кинулся герб города, несколько терявшийся на фоне пожелтевшей бумаги. По спине Рохарда вихрем пронёсся рой мурашек, волосы всего тела в полной солидарности встали дыбом, а горло в мгновение ока пересохло перед ужасным лицом, осенившей Рохарда догадки. Но нет, нет, нет, Судьба не может так жестоко с ним поступить, сыграть столь злую шутку. Лелея в сердце пустую надежду, неумолимо опровергаемую доводами рассудка, он с затаённым страхом смотрел на лист пустыми глазами, боясь приблизить роковой миг, от чего лишь больше впадал в вязкую пучину страха и отчаянья, выход из которого был лишь один — утвердится в своём опасении раз и навсегда.

Скрепя сердце, охотник начал медленно читать, столь медленно, что мог посоревноваться в этом со слепым столетним старцем, с каждой последующей буквой утверждаясь в правоте своей догадки. Лист, вернее письменный приказ, уведомлял его о том, что ему выпала величайшая из великих радостей, которые только могут быть в Кеменладе, а именно, быть призванным в ряды ополчения и безвозмездно защищать благословенные пределы Северной Земли от её коварных и злокозненных Восточных и Южных Соседей. Лист бумаги бесшумно выскользнул из обессиленной руки. Единственная мысль, которая заглянула в сей час в голову охотнику, было замечание о том, что зря старый Берген научил его чтению.

— Они сказали, что придут завтра рано утром, — неожиданно заговорила жена охотника, увидевшая перемену в облике Рохарда. — Видимо, твоя слава лихого охотника приготовила нам это несчастье. — После этих слов, видимо, не будучи в силах вытерпеть душевные муки, она предоставила им свободный выход в виде потока слёз.

Рохард собирался было ускользнуть из объятий Родины в далёкие земли чужбины, но ревнивая Родина настигла его прежде того, как планы блудного сына претворилась в жизнь.

Длинной, нескончаемой змеёй тянулась медленная процессия из неказистых телег, ежечасно вязнувших в грязевых объятиях распутья, отчаянно прыгающих на каждой кочке, грозя отправить пассажиров в малоприятный полёт в один конец, и надрывно ревущих своими несмазанными спицами, словно моля о пощаде в виде целительной ложки дёгтя, ну, или на худой конец, о прекращении мучений в этом бессмысленном и жестоком мире. Как говорилось, грунтовая дорога после вчерашнего шторма были решительным образом сменила своё агрегатное состояние из твёрдого в жидкообразное, что значительно понижало как эстетические, так и скоростные характеристики. Подле этих чудес флоридского транспорта, скакали верхом сержанты, имеющие предписание препроводить ополченцев в тренировочный лагерь и обучить их азам воинской премудрости. Окружающие путь поляны так же явным образом свидетельствовали о недавнем неистовстве стихии, пестря палками, обломанными сучками и ветками, принесёнными из ближних и дальних лесов, одиноко валяющимися черепицами, тряпками, бельём и другими подобными продуктами цивилизации. Хоть небо и продолжало пребывать под властью серых облаков, однако они значительно потеряли былой боевой запал и теперь обессиленно плелись по горным пастбищам, предоставляя солнцу право периодически робко озарять сквозь бреши подоблачные земли. Где-то далеко позади терялись низкие крыши сельских домов, поющих славу духам за избавление от угрозы нашествия двенадцати голодных армейских ртов. Вполне естественно, что спеть славу фуражиру, предусмотрительно позаботившемся об путевом провианте, им голову не приходило. Шествие процессии то и дело прерывалось из-за застревания транспорта в непроходимых местах и выпадения ополченцев с своих роскошных мест, особенно осадки усиливались перед каждым холмом, когда люди сыпались с повозок подобно граду и приходилось нещадно гнать животных, чтобы они смогли осилить вязкий подъём. Впрочем, пора вновь вернуться к нашему главному герою, хотя найти его в бесконечной массе телег и человеческих тел — задача не из лёгких. Нет... опять нет... вновь нет, ага! Вот он, сидит прямо посреди чрева Левиафана в компании с четырьмя другими особами, — два, как подсказывает логика, должно быть, уже успели вылететь и навсегда углубнута в непроницаемых недрах жадной до человеческих жизней грязи. Кажется, компания нечто бурно обсуждает.

— Надеюсь, хоть кто-нибудь здесь знает, куда нас везут, — спросил Рохард у соседа.

— Ясное дело, что в тренировочный, Рохард, не будут же нас, в самом деле, с кондачка кидать в гущу сражения.

— Это же надо так вляпаться, — возмущённо затараторил невысокий человек, изрядно смахивающий на семигротдора, блистающий своей прекрасной лысиной, некогда покрытой, как говорит предание, тропическим лесом каштановых волос, — попасть в загребущие лапы этого ненасытного государства! Трах-тах и ты уже в рядах ополчения, которые пошлют Швайдис знает куда, чтобы только перемолоть нас, как перец в ступе.

— Бренделл, не носи чепухи, Правитель никогда не отправил бы нас на верную смерть, — степенно заметил человек среднего возраста, пребывающий в самом расцвете сил,

как телесных, так и духовных.

— А почём нам знать? — неугомонно гнул свою линию Бренделл, успевший уже покрасть от переизбытка эмоций на столь короткий промежуток времени. — Если мне насильно всучили какую-то распроклятую бумажонку, расписанную непонятными каракулями, из-за которых меня бесцеремонно выдернули из тёплого дома и кинули на трясущейся адской повозке Швайдис пойми куда, не спросив даже, а хочу ли я этого?! — Последние слова произносились уже в верхних пределах человеческого голосового диапазона и грозили перейти в истошный крик, если бы не своевременное вмешательство третьего собеседника, котовидного звереса.

— Тише-сс, Бренделл, ты же не хочешь, чтобы твои вопли услышали сержанты? — резонно заметил он, самодовольно шевеля чётко обрисованными на чёрном фоне белыми усами.

— Что шевелишь усами, как таракан, — взорвался невольный ополченец, — укоротить ли тебе их, мохнатый тапок, чтобы они не мешали?!

В этот самый момент, как чёртик из табакерки, или, верней, как *lupus in fabula*, возле телеги действительно всплыла стройная фигура сержанта, словно призванного неведомым заклинанием. Проезжая мимо телеги, он смерил всех присутствующих испытующим и недоверчивым взглядом, в целом, характерным для людей его звания, но в связи с предшествовавшими событиями, имеющим более грозную трактовку. К счастью, сержант слышал только реплику Бренделла об укорочении усов, поэтому с миром проехал дальше, к следующей телеге, где также происходила оживлённая сцена.

Немолчно наблюдая за буйством своих сотоварищей, Рохард лишь закатывал кверху глаза, ожидая скорейшей развязки драмы и вспоминая отбытие на этой колымаги от родных земель и крыш. Это было всего пару часов назад, но казалось, что бездна вечности отделяла его от того мига. Разношёрстная толпа людей теснилась на окраине города, обступив со всех сторон телеги, ещё не нагруженные своим человечки багажом. Плач, рыдания, слова напутствия или крики радости, — чего только не было слышно в толще людского моря, волнуемого страстями. Семья Рохарда, однако, причин для веселия совсем не имела, ведь лишалась в его лица единственного кормильца и защитника, поэтому лица членов семейств были тронуты глубоким следом печали. Дети постоянно цеплялись за отца, взбудороженно тарахтя просьбы не покидать их. Жена молча стояла подле и проливала горькие слёзы разлуки, слушая неуверенные утешения мужа. Наконец, среди пёстрой толпы появились угрюмые лица сержантов, резко приказавших гражданским отойди от телег. Ветром пролетели последние слова прощаний, обетов, клятв и заклятий, не остался в стороне и Рохард. Глубоко тронутый переживаниями своих родных, он решительно крикнул на прощанье, что непременно вернётся домой, поклявшись в том жизнью.

— Молчи-ка лучше, — резко вмешался в разговор высокий морфит, когда спина сержанта оказалась на безопасной дистанции, сохраняя при этом вид полнейшего равнодушия, кот прав: нам не нужны излишние неприятности. Кричать и бунтовать уже нечего — сделанного не воротишь. Мне, конечно, самому не улыбается умирать за Бог весть что, но что поделать.

На этот раз пришёл час возмутиться духом молодому во всех отношениях человеку.

— Как это, Бог весть за что? — с ужасом переспросил он, потрясая своей чёрной бородкой. — Умирать за Отечество и землю отцов, за Родину-кормилицу, за свободное государство, за...

— За иллюзия, навязанные народу Флодмунда, — невозмутимо закончил морфит, поправив своими длинными руками светлые кудри.

— Почему же иллюзии?! Это правое дело, которым живёт мой народ, и ты вод ещё увидишь, как мы разобьём в пух и прах южан с восточными негодьями.

Бренделл вновь проявил речевую активность.

— Это вопрос спорный, насколько помню, мы уже более трёхсот лет, с проклятых времён Гельриша Страдальца, всё разбиваем и разбиваем, да никак не разобьём. Надоели мне уже эти басни, вот они где у меня стоят! — рьяно заявил он, демонстративно приставив ладонь к горлу. — Осточертело уже жрать эту ложь. Раз её ели, причмокивая, мои прапрадеды, прадеды, деды и прочие праотцы, то это не значит, что я пойду по их стопам. Всем давно известно, что мы воюем с голыми руками против таких же голорождённых. К чему весь этот балаган, который зовётся армией? Возьмите пару калек, киньте против пары подобных же инвалидов и пусть так решится, чья взяла.

— Вы отрицаете-с сущность армии? — осторожно переспросил звересь.

— Нельзя отрицать того, чего нет, — ловко ввернул морфит. — Армии имеются у Северного Братства и Дартада, а у нас оголтелая свора вчерашних ремесленников, кои и оружием толком работать не умеют.

— Да-да, верно говоришь, Олфилл — радостно подхватил Бренделл, — а даже, если умеют, то, в основном, эта война им нужна, как голодному очистолист. Вот, к примеру, возьмём Рохарда, на кой ему эта война, когда у него семья, на кой его призвали, когда у него шесть голодных ртов, которые нужно своевременно затыкать пищей?

Услышав своё имя охотник вздрогнул и недоумённо обвёл сконфуженным глазом соседей, после чего, по всей видимости, догадался о предмете разговора по их лицам. Хоть каждый из них занимал свою, обособленную позицию, но на самом деле в их сердечных глубинах билось вязкой пагубой одно чувство — страх, страх за жизнь, которую могут без согласия отнять раньше срока.

— Всё это правда, Бренделл. Сказать по правде, я отнюдь не рад этому несчастью, свалившемуся на мою многострадальную голову.

— Но ты же чудесный охотник и стрелок, имеющий глаз сокола и руку из стали. Представь только, как ты можешь помочь свергнуть гнусных узурпаторов с Восточного и Южного престола и воссоединить Флодмунд былыми узами единства.

— Вот только от этого моей семьи не станет легче, — грустно заметил Рохард, молчавший до сих пор, — да и, по правде сказать, я собирался было уезжать в другие края.

— Как это так?

— А вот так, как раз решал, куда лучше в Дартад, Флорэвендель или Остфар.

— Упасите святые духи, — в порыве благочестия воскликнул патриот, — да как можно даже думать о том, чтобы перебраться в Империю?

— А почему бы и нет? Во всяком случае, я слышал, что житье там не нам под стать. Тучные поля, зелёные нивы, ласкающее южное солнце, повседневная безопасность и благоустроенность.

— Плахи, костры Инквизиции и следственные камеры, — не без иронии в голосе заметил кот. — Хорошенький баланс.

— Как слышал, в Дартадской Империи полномочия Инквизиции были коренным образом урезаны со времён Ватиса. В сущности, я очень хочу понимаю Рохарда, с первого взгляда вариант, конечно, одиозный, но ежели внимательно присмотреться, то всё не так

плохо, как кажется по началу.

От удивления молодой человек с чёрной бородкой присвистнул.

— Вот, признаться, никогда не ждал услышать подобного бреда от морфита. Тебя же укокошат, как пить дать, в первые минуты, как только увидят эти торчащие острые уши!

— Да, моё происхождение играет против меня. Но я говорю сейчас чисто гипотетически.

— Что-что, я как то не понял смысла слова, — вмешался Бренделл.

— Не суть важно, — отрезал Олфирр. — Речь о том, что для человека, особенно для поражённого бедствиями, Дартад всегда представляется хорошей альтернативой ведь, в сущности, люд Империи почти не познаёт её зверств, так как сам свято верит в правоту своего государства.

— Ну-ну, но, Рохард, ты ведь знаешь, что это за чудовищное порождение зла, как ты можешь после этого перебраться в стан наших исконных врагов? — заметил молодой патриот.

— Когда думаешь о благополучии семьи, иногда приходится жертвовать идеологическими соображениями. Как я понял ты неженат и без детей, поэтому понять моих слов для тебя невозможно, как бы ты не старался. Впрочем, как я вижу, тебе и до фени попытки понять меня.

— Пусть так, но я руководствуюсь куда более высокими соображениями и одна мысль о сообитании с врагом меня ужасает.

— А кто нам сказал, что они враги?

— История, — напомнить тебе, какие бедствия они в своё время причиняли всему Треливу? Как они простирали свои загребущие руки на земли иных народов, стремясь подчинить их своей власти, как они проливали кровь людей и нелюдей, стремясь сломить всякое противление их амбициям?

— Тем не менее, в нашу эру они не проявляют особой агрессивности.

— Это только потому, что Остфар встал непроницаемым барьером перед загребущими руками имперцев, и пока он стоит, нам нечего опасаться, — ответил кот.

— Прошу прощения, но, насколько знаю, мощь Империи, несмотря на сильное воинское дело Остфара, позволит легко преодолеть это препятствие.

— Пусть только преодолеют, уж мы-то им покажем, где раки зимуют! Устроим им повторение войны Первого Северного Альянса!

— Повторить-то хорошо, не спорю, но сейчас, учитывая их и наш военный потенциал, выйдет, скорее, повторение Великой Войны, когда Флодмунд был растрочен скральдсонцами и имперцами. Почему-то местные стараются не вспоминать этот факт.

— Это мы ещё посмотрим, кто кого, главное сейчас вновь объединить страну под жезлом, сорвав, наконец, этих двух узурпаторов с тронов.

— А почему-с ты думаешь, что они узурпаторы? — поллюбопытствовал звересь.

— Да потому, что их предки были собаками, убившими Гельриша Страдальца, своего отца!

— Но, по всей видимости, жители двух других земель Флодмунда ровно такого же мнения, за исключением, разве что, одного имени. Клянусь целительницей Мелитэ, как же легко обмануть людей!

— Тише морфит, — почти со злобой промолвил патриот, — не показывай нам столь явно неужённую спесь твоего народа и твои дремучие суеверия, а то мне начинает казаться,

что я погорячился, назвав политику Империи злодейской.

— Это у меня- то суеверия, Кинрир? — с деланным удивлением в голосе спросил морфит и тотчас продолжил. — Позволить напомнить, кто поклоняется духам и различным пням с рошицами, куря им благовония и пляса вокруг них в помешанном галопе, как свора умалишённых?

— Не смей трогать веру моего народа! Только вера Флодмунда истинна!

— Без сомнения, лобзать пни лучше. Так говорит каждый дремучий суевер.

— Пусть говорят, дело от сего не изменится. Вот, к примеру, чем твоя вера лучше моей?

— Сейчас, секунду, дайте вспомнить, ах да! — удивительно, но в безэмоциональном голосе морфиты начали проскакивать нотки сарказма, — Наверное, тем, что мы не поклоняемся различной шушере, а чтим реально существовавшую целительницу, наставившую на путь истинный самого Святого Флорэнда.

— А почему-с, вы тогда не чтите самого Флорэнда? — с скрытым коварством опять закинул свою удочку звересь, любящий своечасно вливать масла в огонь.

— На это есть свои причины, — таинственно отрезал Олфирр.

— Ясен пень, что за причины, — твоя братия пойдёт на что угодно, лишь бы не признать над собой верховенство человека, так ведь? Ведь Флорэнд, как я слышал от проповедников, был человеком.

— Ничего подобного, я просто не желаю входить с вами в запутанные теологические пояснения, ибо вы всё равно ровным счётом ничего не поймёте из сказанного.

— То есть, ты намекаешь на наше невежество?

— Я намекаю на ваше отсутствие образования.

— Сейчас мы его восполним, — прохрипел Кинрир и сжал всё своё тело, словно пантера перед прыжком на добычу, но совершить задуманное, ему было не суждено, так как Рохард, наблюдавший за разговором, почувствовал запах опасности, и решил своевременно вмешаться.

— Тише, тише, если вам жить охота! — воскликнул он, встав между морфитов и разъярённым Кинриром. — Разве вы не знаете, что на войне нас и так будут поджидать несметные опасности и угроза смерти, зачем же собственноручно прибавлять к ним новые, на кой ляд ссорится, когда на поле боя главное — это боевое товарищество и дружба? Зачем...

Вдохновлённое речь Рохарда была без всякого извинения грубо прервана находящейся под ним телегой, вновь попавшей в лихой забугорок и качнувшейся с страшной силой. По всем законам кинематики, Рохард должен был потерять равновесия и отправится в свободный полёт за край телеги, но вмешательство внешней могущественной силы, а именно рук Олфилла и Бренделла, спасли его от этой малоприятной участи.

Оправившись, Рохард всё же решил закончить свою речь.

— К чему я это вёл, друзья? К тому, что, раз мы всё из одного города, и волей Судьбы мы все оказались вместе в этой телеге, то, стало быть, нам нужно объединиться, несмотря на разности в вере и взглядах, ведь так делают и бесчувственные твари, чтобы повисить шансы на выживание, а что тогда говорить о нас, разумных. Согласны?

В ответ донеслись одобрительные ответы, с задержкой, с плохо скрываемым недовольством, но донеслись. Рохард всегда умел ставить ситуацию ребром и убеждать людей в принятии правильного решения.

— Кстати, — прошептал после речи Рохард, наклонившись к Олфирру, — ты же обучен

грамоте?

Глаза морфита вспыхнули огнём возмущения.

— Ну, раз умеешь, то можешь помочь мне написать одно письмо?

— Помочь-то могу, но откуда мы здесь найдём бумагу?

— Думаю, с этим проблем не встанет, — с лукавой улыбкой ответил Рохард, — насколько знаю, в твоём багаже кое-что да найдётся...

Эйфире Бре, улица Вязов, Привет, дорогая, пишу тебе из тренировочного лагеря, куда я прибыл 3-и недели назад. Раз ты сейчас слышишь эти строки, то ты догадалась дать письмо мастеру Заурусу, за что ему от меня нижайшая благодарность. Здесь лучше, чем могло бы быть: хоть здесь нас и кормят странным месивом, но всё же почти регулярно. Главным моим занятием в эти дни является учёба фехтованию, если это так можно назвать, где я делаю значительные успехи, по крайней мере, на фоне остальных. Мне повезло в первый день службы сблизится с четырьмя товарищами: Бренделлом, нервным маленьким человеком, обладающим, тем не менее, своим запасом достоинств, Кинраром, достойным молодым человеком, ревнующим сердцем за нашу Родину, пусть и с перегибами, Олфирром, степенным морфитом, преисполненным знаний, он сейчас и пишет это письмо, и Гаврусом, хитроватом звересем-котом. Сначала у нас были кое-какие разногласия, но чем дольше мы проводим времени в лагере, тем более между нами развивается взаимная привязанность и приязнь. Как сказал наш офицер, через две недели нас должны будут отправить в действующую армию, готовящуюся к атаке на противника. Не переживай за меня, всё будет хорошо, вот увидишь, я вернусь после окончания войны из армии и мы, как решили, уедем отсюда в другую страну. Береги наши сбережения и детей. Жди меня. Твой любящий муж, Рохард.

В славные былые времена дней давно прошедших, Флодмунд представлял собой типичное для Кеменлада королевство, со своими учёными и мыслителями, со своими поэтами и писателями, со своими купцами и мореплавателями, со своими феодалами и дворянами, со своими достоинствами и недостатками. Флодмунд вёл войны с Дартадом, Кригом, Скральдсоном и Северным Братством, вторгался в Бугтав, торговал с Флорэвенделем, заключал союзы, нарушал их, заключал новые, предавал, разрушал, завоёвывал, в общем, как сказано, вёл жизнь порядочного королевства. Но всё изменилось в 390 году 3-ей эры, так же именуемой в местной традиции Эпохой Бедствий. Гельриш Страдалец, последний правитель целостного Флодмунда, имел несчастье иметь от трёх разных женщин трёх разных сыновей, не отдавая при этом кому-либо из них пальму первенства. Вполне естественно, что подобное обхождение породило массу интриг, заговоров и шашней между враждующими партиями, каждая из которых стремилась поставить своего претендента на престол. Внезапно Гельриш осознал степь тяжести той ситуации, которую он до сих пор игнорировал и, по правде сказать, которую он и взрастил, посему решено было расправиться с ней самым решительным образом. 27-го Бладрайза, он опубликовал всенародное оглашение, что он, король Гельриш Стекфан, лишает прав на престол трёх своих сыновей и объявляет наследником Рубинового Скипетра Нериша Ортана, молодого и способного аристократа, занимавшего в ту пору должность главного казначея. Неистовая буря, поднявшаяся от этого ошеломительного известия, всколыхнула не только придворные круги, но и простой люд. Обездоленные сыновья, оставив на время вражду, сговорились между собой убить отца за нанесённое им жестокое бесчестье. Сей гнусный замысел они хранили в строжайшей тайне, не поведав о нём ни единой живой душе, до судьбоносного момента, наступившего 9-го Эклипса. Воспользовавшись моментом, когда гарнизон со стражей был успит крепким сонным зельем, подмешанным в питьё обитателей замка при помощи парочки жадных до золота слуг, они грозной тенью проникли в покои самодержца. Причинив отцу всяческие бесчеловечные истязания и бесславные поругания, они, сполна насытив жажду мщения, убили его 10-ю ударами кинжала в грудь, после чего попытались свести счёты с Неришем Ортаном, но застать названного преемника в спальне не удалось, — он как раз этим вечером выехал по приказу короля в Оглифаст, проверить материальные дела тамошнего гарнизона. Хоть сокол и был убит в своём гнезде, но перепел всё же успел улизнуть.

Весь Флодмунд был потрясён мерзостью содеянного злодеяния трёх братьев, но, по обычаю страны, должен был всё равно отдать одному из них корону во избежания смуты и стоящей за ней кровавой фигуры бедствий. Первоначально выбор пал на Гельмута Коварного, старшего сына убитого Гельвиша, — Нериш Ортан, к тому времени, успел убежать из пределов Флодмунда, страшась за свою жизнь, — но против него вновь выступили братья, не распрощавшиеся со своими прежними амбициями. Заручившись поддержкой недовольных провинциальных дворян и купцов, они подняли свои армии против брата и сошлись с ним в лютой сече при Рейхарском лесу, потерпев от него поражение и усеяв все дубравы телами павших, словно срезанными снопами пшеницы. Но слова проклятия продолжали тяготеть над Флодмундом. Хоть братья и были с позором отброшены

вглубь страны, однако Гельмут был мрачен, как туча, и зол, как пёс. Во-первых, добиться окончательного и бесповоротного разгрома смутьянов не удалось, несмотря на то, что большинство их приверженцев было убито, а во-вторых, собственные потери армии Гельмута оказались столь велики, что ему пришлось срочно прибегнуть к помощи ополчения. Разбитые соискатели престола так же не дремали. Запустив маховики машины пропаганды, они стали активно настраивать население против брата, не стесняясь взывать к вооружённому мятежу против коварного узурпатора и отцеубийцы. Но всё же им было отчётливо ясно, что подобная куча сброда не сможет по-настоящему заменить профессиональную армию, имеющую реальный боевой опыт и железную дисциплину. С целью заполнения подобной армии, каждый из братьев направил послание к иноземному правителю, один к Остфарскому королю, другой к — Кригской королевне, где каждый из них просил милостиво предоставить военную помощь для восстановления справедливости и порядка во Флодмунде, обещая взамен сторицей отплатить благодетелям.

Заручившись, таким образом, новыми соратниками, они мигом двинули на венценосного брата, присоединяя под лоно своего владычества всё более и более земель, намереваясь в сердцах поглотить, словно голодный зверь, и остальной Флодмунд. Оценив расстановку сил, Гильмут созвал сейм, под час которого ему пришёлся по нраву один совет, суть которого заключалась в простом тезисе, что врага необходимо бить его же оружием. В качестве этого самого оружия было избрано Северное Братство, соблазнённое предложением о поставке нового оружия и брони. Конечно, заключит союз с столь воинственными и могущественными варварами было рискованным шагом, особенно не имея в текущий момент обещанной награды, но на что только не пойдёшь ради сохранения трона?

И вот, армии отцеубийц и их союзников сошлись в решительной схватке Шести Армий при Кентуре — городе, расположенном в центре плато Эстер, о былом существовании коего напоминают ныне лишь мрачные руины, испещрённые мхами. Жестокий бой на уничтожение шёл ночь и два дня. Это был бой, где где не было ни победителей, ни побежденных — все одинаково были обескровлены до кончиков пальцев и разбиты в пух и прах, без дальнейшей возможности взять верх над супротивником. Названный великий град Кентур был уничтожен и сожжён, став обиталищем для лесных тварей и птиц. Но слова проклятия продолжали тяготеть над Флодмундом.

Несмотря на то, что в битве не было победителя, каждому пришлось с лихвой расплачиваться со своими союзниками, расплачиваться как землями, так и золотом, налагая бремена неудобноносимые на осиротелый народ и зажимая рты молотящим волам. Но всё же битва Шести Армий не прошла бесследно в геополитическом плане: все три соискатели смогли оторвать себе часть флодмундских территорий, старший — север, средний — восток, а младший — юг. Как весьма метко писал знаменитый Арвеллас Гаэндес, поэт и сатирик конца 3-ей эры: «Эти авантюристы подобны трём безумным волкам, освирепевшим от неумолимой алчбы, и нещадно рвущих друг другу глотки из-за туши подстреленной лани». Сравнение нелицеприятное, но точное и разделяемое большинством иностранных держав. Так или иначе, но три претенденты сумели укрепиться в своих вотчинках, где, послушавшись мудрых советов, сразу же начали усиленно промывать сознание граждан, обеляя свой образ и утверждая, что Гельвиш Страделец, которого они сами самым лицемерным образом окрестили и окутали пластом благочестивых мифов, соделав того праведным королём-мучеником, был заколот двумя другими братьями, проклятие на головы и роды которых да падёт во веки. И так в каждом владении, которые они очень многозначительно повелели

именовать Землями, а себя просто Правителями. Умерли братья своей смертью в окружении родных и близких, окружённые уходом и заботой, — смерть, не редкая для самых отъявленных негодяев.

С тех далёких пор до наших дней не знают многострадальные земли Флодмунда покоя, терзаемые нескончаемыми междоусобными бранями и огнями смут. Лишь пару раз Правители объединяли силы перед лицом внешнего могущественного врага, но тотчас после войны союз флодмундцев снова распадались, разворачивая стяги и хоругви друг против друга. Конечно, народная память не могла так просто смириться с расколом страны, поэтому, как часто бывает в подобных случаях, люд прибег к испытанному способу утешения, а конкретней, к пророчеству, сказанному неизвестно кем, неизвестно когда, но слышавшим, как авторитетное заявление. В этом древнем пророчестве, которое, должно отдать должное, чисто и ясно, в отличии от его туманных и запутанных собратьев, чётко говорит о том, что, когда Секира Бурь обретёт себе нового хозяина, то Флодмунд вновь восстанет в былом своём облики, а владелец Секиры станет королём. Думаю, стоит сказать пару слов для прояснения ситуации по поводу данного артефакта. Секира Бурь — полулегендарный артефакт королевского дома Флодмунда, созданный, по мнению ряда авторитетных учёных, в давние поры морфитского владычества лучшими невольными гротдорами-кузнецами. Секира изготовлена из особого, нынче неизвестного сплава и укрыта ковром рун, благодаря чему её огромный размер почти не сказывается на весе, и орудовать ею можно точно также, как если бы это был лёгкий короткий клинок. Впоследствии, когда Секира уже служила флодмундским королям, на неё было наложено могущественное заклятие, по крайней мере, так твердят в народе, позволяющее владеть и применять Секиру исключительно местному самодержцу, — по всей вероятности, это было сделано под влиянием Тертской битвы времён Войны Первого Альянса, когда дартадский Император Аурис Освободитель чуть было не обезоружил и отобрал Секиру у Эйхезра Храброго. Так или иначе, но после насильственной смерти Гельвиша Секира Бурь непостижимым образом исчезла из королевского реликвария и не проявилась до сих пор. Некоторые толкуют о том, что её прихватил с собой несостоявшийся наследник Гельвиша — герцог Нериш Ортан, другие же, составляющие большинство, смеются над скептиками, и свято веруют, что это было проявление воли духов, и тот, кто вновь завладеет Секирой, станет правителем Объединенного Флодмунда.

Впрочем, что-то мы заговорились о преданиях и легендах. Пора теперь перейти к суровой действительности, влететь в один из бесконечных флодмундских конфликтов, на удивление, переросший на сей раз в некое подобие настоящей войны.

Рохард устало потянулся за брёвнышком, после поимки коего он немедля вбросил его в мерно пляшущий огонь костра. Сноп искр и треск ликования звучно приветствовал его действие. Рядом с Рохардом, облачённым в стёганую поддоспешник, помеченный в нескольких местах разрезами, и являющим собой образец разбитости и усталости, лежали четыре его боевых товарища — таких же разбитых и усталых. В свою очередь, вокруг них точно так же раскинулись бесчисленные огоньки костров, точно так же облепленных со всех сторон усталыми солдатами, — благо, рядом с ними высились непроходимые чащи зелёного моря Вернеского леса и недостатка в топливе не ощущалось. Прыгающие в самодовольном танце языки пламени дерзко, но тщетно стремились взвиться в вечерние небеса, окрашиваемые слабыми последними лучами заходящего солнца, переходя под власть горделиво возносящихся лун. Казалось, сами облака, плоские и лёгкие, подёрнутые лёгкими

мазками золотых и розоватых брызг, уходили с небосвода вместе с солнцем, освобождая место для безраздельного владычества холодных светил. Близлежащий лес постепенно опустевал голосами певчих дневных птиц и на смену им приходили встревоженные окрики сов, зловещее завывания волков и протяжный рёв иных, страшных тварей, о коих повествуются на страницах бестиариев. Но рёв был лишь дальним эхом, теряющимся в общей звуковой картине разбитого лагеря. Главной его составляющей был стон. Разрывался мучительный стон тяжелораненых, внезапно обрываемый приступом хрипа, после чего наступала тишина — лечить ранения подобной тяжести у солдат было бессмысленно и слишком затратно, поэтому самым гуманным решением было резко прервать их страдания. С ним смешивался беспокойных стон раненых, но не столь серьёзно, благодаря чему они избегали, по крайней мере, на время, «акта благожелательности и человеколюбия». Некоторые ополченцы, сведущие в искусстве травничества, беспокойно сновали взад-вперёд по пострадавшим, стремясь облегчить им страдания при помощи свежесорванных трав и корней. Наконец, наполнял собой воздух и стон, качественно другой стон, одновременно смутный и ясный, как шум прибоя, — стон побеждённых. Разбитые, попранные, сломленные и бессильные они шли длинными рядами, связанные путами, под конвоем в ближайший город, для труда во благо Правителя и отработывания провинности за службы узурпатору. Некоторые же, кому сомнительно повезло похвастаться качеством своего денежного состояния, оставались здесь, в лагере, в импровизированных камерах, где они в ужасных условиях должны были дожидаться выкупа за себя от своих родственников и близких. Находившиеся в двух верстах поле дневной битвы было сплошь устлано точками чёрных тел, безжизненно растянувшихся по земле. В недрах этого царства мёртвых всё ещё можно было услышать топот живых победителей, обирающих хладные тела незадачливых врагов и приканчивающих на месте тех, кто всё ещё смел подавать признаки жизни.

Хоть взгляд Рохарда и был устремлён на беззаботные языки пламени, однако дума его отстояла несколько дальше, там, где сейчас вершили своё дело беспечные мародёры и искатели наживы. Битва при Вернском лесу оказалась первой серьёзной стычкой в недавно вспыхнувшем противостоянии между Землями, где участие приняли северные и восточные флудмундцы. Ощущение от сражения всё ещё довлели над умами почти всех ополченцев, впервые проливших человеческую и зверескую кровь, и увидевших смерть во всём её кошмарном величии. Скрытая дрожь тревожила душу, мучила разум, крутила и растягивала его на прокрустовом ложе, вызывая в нём страшные воспоминания. Рохард закрыл глаза.

Вот он, стоит, в стёганом поддоспешнике и с мечом среди таких же, как он. Рядом с ним располагаются Бренделл, Гаврус, Олфирр и Кинрир, выдающие своим обликом озабоченность, растворению в пучине жгучего подаваемого страха. На них, словно осиный рой, стеной, кучным облаком обрушиваются вражеские стены, точно таких же, как они, флудмундцев, одетых в точно такие же поддоспешники и вооруженные точно такими же мечами. Лавина стрел производит естественный отбор, забирая в лучший мир самых тугодумных бойцов, коим не хватило ума вовремя подставить вверх сыромятный щит. Совершив обстрел, противник сворачивает ряды и кучной волной обрушивается на северных флудмундцев, накрывая их с головой. Стоящие перед Рохардом ряды встречают супостатов, но под силой напора неприятеля и, что ещё больше, под действием собственного страха, страха за свою жизнь, они мешаются, теряют строй и, под конец, начинают хаотичное отступление, внося сумятицу в последующие ряды, грозящую перейти в повальное бегство. Наконец, Рохард оказывается лицом к лицу с противником. Офицеры дают команду

готовится к бою. Сердце его сжимается в последний раз и... вдруг он решительно отбрасывает всяческие сомнения, в его разуме восстаёт образ семьи... Он выживет! Точно выживет, и не только выживет, но и не покроет свою семью прахом позора. Вооружившись храбростью и ратным духом, он вступает в схватку, где гул голосов, невнятные воинственные крики, звон оружия и рокот от щитов, стоны, предсмертный хрип, запах крови и пота, мешаются в одно целое и единое, теряют свои отличные особенности и теряются в общей картине, затуманившей всё сознание. Линии теряют чёткость, фигуры сливаются в единое целое, перед ним мелькает то окровавленный Кинрир, в безумном раже сея смерть среди соотечественников, то взбудораженный Бренделл, мечущийся среди воюющих с вытаращенными глазами и периодически пускающий в ход оружие, то собственные руки, натыкающиеся на острие клинка чью-то очередное тело.

Столь же внезапно туман спадает и открывает ясную картину, — Рохард видит себя с друзьями, впереди них бегут резервные полки, добывая отступающих неприятелей. Но что это? Фанфары оглашают своей песней поле битвы, а вслед за их протяжным гласом с фланга срывается вражеская конница. Офицеры, видимо, озадачены, кавалерия редкий гость на полях местной междоусобной брани. Раздаётся команда к смыканию строя, вслед за которой беспорядочно кишачая человеческая масса принимает некий вид порядка, растягиваясь в длинный ряд. В глаза Рохарда западает лежащий поблизости лук, послушно лежащий в ещё горячих руках хозяина, он машинально оглядывается, — как можно устоят перед таким искусом? Вновь вооружится дальнобойным луком и быстролётными стрелами взамен этого презренного клинка? Вырвав лук у мертвеца, Рохард переводит внимание на залихватского вида всадника, облачённого в сияющий пластинчатый доспех, скачущий во весь опор на вороном коне во главе остальной лавины, словно орёл перед стаей соколов. Гейбрин уверенно вложил стрелу, натянул тетиву и затаив дыхание, прицелившись, выстрелил. С свистом вылетел смертоносный посланник и, преодолев разделяющие его от цели расстояние, аккуратно преодолел щелочку между пластинами доспеха, со злорадством впившись в грудь всадника. От боли и неожиданности наездник потерял управление конём, благодаря чему свалился из седла на полном ходу. Падения всадника вызвало видимое замешательство у всех прочих кавалеристов, так как те изо всех сил пытались не задавить несчастного, а некоторые, спешившись, пытались предоставить ему помощь. Естественно, что подобные действия коренным образом повлияли на ход атаки, забрав добрую часть бравого наскока и внося в неё шатание и разброд, разрушивший весь эффект от внезапной атаки.

Пешие воины, взбодрённые злоключениями противника, издают победоносный клич — в полной уверенности, что горланят его не понапрасну — и смело кидаются в бой, по приказу офицеров целенаправленно целясь по ногам скакунов. Обилие бездыханных и бранных тел мешают всадникам проводить эффективные манёвры, к тому же, значительная часть нападавших целиком перекинулась на охрану и транспортировку раненого предводителя, оставив, таким образом, своих более рьяных собратьев по оружию без должной поддержки, что и обернулось для них самым роковым образом. Передовые ряды наездников было относительно быстро перебиты впадшими в воинский азарт флордмундцами, а вторая часть поспешно скрылась, унося с собой тело раненого лихача. По рядам прогремели возгласы радости и победы, смешенные с смутными и жестокими нотками, не обещающими ничего хорошего побеждённым.

Лишь позднее, подслушав разговор двух офицеров, Рохард узнал, что подстреленный им

всадник был не кем иным как ильфатом — воеводой — восточных флордмундцев, и что именно по этой причине они перебросили внимание с атаки на его спасение. Так как полководец не знал, кто именно сразил ильфата, — а, может быть, просто не хотел знать, — то никаких благодарностей, почестей и подобной мишуры Рохарду предоставлено не было. Впрочем, ему было всё равно.

— Друзья, прощу-с разойдитесь-де, тут нет места для коня.

Чья-то рука повелительно выдернула Рохарда из цепких объятий царства воспоминаний и решительно поставила владычество реальности в том же самом месте, откуда он из него вышел. Полуобернувшись, он увидел Гавруса, усталого, но вместе с тем и страшно довольного. В руках у него виднелась голова и грива коня, которого он схватил с истой кошачьей ловкостью. Позади послышался голос Бренделла:

— Давайте быстрее расчехляйтесь, я уже устал тарабанить это несчастное животное.

Всё ещё не отойдя от погружения в прошлое, столь дерзко нарушенное бесцеремонным настоящим, Рохард вместе с Олфирром и Кинриром машинально повиновались и, встав, отошёл на пару шагов назад от костра. Тотчас на освободившееся место Гаврус с Бренделлом не без самодовольства с грохотом и пылью обрушили тушу подстреленного в бою коня.

— Друзья, наконец-то мы сможем отведать настоящей-с пищи, — мечтательно отметил Гаврус, мысленно пожирая жаренную конину.

В ответ на это заманчивое предложение брови Олфирра сдвинулись самым незаманчивым образом:

— Что-что? Есть коня? — Вопросил морфит в деланном недоумении. — Ради Мелитэ скажите, что вы просто шутите.

— Шутим? — прогремел бойкий голос Бренделла. — Да, мы тащили эту тварь беговую две с лихвой мили, чтобы ты только поворотил своей хорошенькой мордашкой. Что вы соизволите, мессер? Кабана или орланов?

— Что угодно только не это, это же боевой конь, — разве вам невдомёк, что тут одни жилы.

— Не знаю как жилы, но на фоне отсутствия перекачиваемой пищи, это можно счесть за благословение духов, — вмешался Рохард.

— Итак, дорогой Олфирр, ты подавляющие меньшинство, поэтому не обессудь, — с ноткой ехидства заключил кот, доставая свой клинок с недвусмысленной целью. — Всё-таки не зря меня учил отце свежеванию.

Рохард, Олфирр и Кинрир отвернулись и пересели спиной к костру, чтобы не видеть столь малоприятный, но необходимый процесс.

Перед ними, однако же, вырисовывалась подобная же картина, как некие молодчики заканчивают свежевать будущий ужин, — дело понятное и повсеместное, голодная орава флордмундцев не применит побрезговать пищей, когда она столь любезно им преподается. Офицеры делали вид, что не замечают происходящего действия. Это было мотивировано весьма благоразумным рассуждением о том, что замечание по этому поводу может вызвать в головах голодных и экзальтированных солдат настоящую бурю, унимать которую никому не хотелось. Если следствия не бывает без причины, то зачем же выдавать этому самому следствию благоприятную причину?

Желая хоть как-то отрезвиться и развеяться от пережитого ужаса, Рохард заговорил первым, пользуясь соображением, что негативная эмоция, поделённая с другими, должна растечься по каждому и уменьшить свой удельный вес в говорящем.

— Итак, Кинрир, что ты скажешь по поводу нашего боевого крещения? — начал он с формального вопроса.

Всё бы ничего, но Рохард допустил одну существенную ошибку в своих умозаключениях, он не взял во внимание, что другие абсолютно таким же образом могут быть преисполнены негативными эмоциями и что места для переливания попросту не найдётся.

Первоначально в ответ раздалось молчание, но через десяток секунд она плавно перешло в словесную речь:

— Ужасно, как будто все соки выжали из сердца. Я ожидал другое, совсем другое. Мне ожидалось, что я увижу...

— Кровавых варваров, — любезно подсказал Рохард.

— Верно, но я увидел нечто совсем иное, я видел... видел точно таких же..

— Как мы.

— ... несколько от меня не отличающихся: цвет кожи, волос, строение лица, оружие...

— Даже обмундирование такое же.

— Если это можно так назвать, — мрачно вставил морфит

— Я точно так же ощущал себя, чувствовал, что будто бы сражаюсь с собственным отражением. Вы все знаете, что я известный и опытный охотник убивший немало тварей и, чего греха таить, разбойников, но вид сегодняшнего побоища, реки, водопады крови, крови таких же флордундец как я, но которым просто не повезло оказаться в противном лагере.

— А я предупреждал, что доброго ничего не может быть в этом предприятии. Верно говорю, Кинрир?

Губы Кинрира исказились в волевом моменте.

— Верно, — наконец ответил он.

— Я много чего слышал от своего учителя о войне. — Вновь завёл шарманку Рохард, задумчиво трепля рукой свою чёрную бороду. — Он обучил меня всему, что я знаю и помимо этого всегда давал мне ещё горстку душевной теплоты, он был мне словно второй отец, а я ему, как сейчас полагаю, как сын. Поэтому он мне и поведал самую постыдную страницу его биографии, вспоминать о которой он не мог без слёз до самого конца. Он был родом из Филома, как понял, из зажиточной семьи. Тамошние жители сльвут одними из лучших лучников Кеменлада, поэтому получить мастерские навыки в этом деле ему не составило большого труда. Но вот он перерос из недоросля в мужчину и его рекрутировала Имперская армия, как раз проводившую в ту пору стычки с Флорэвенделем на Халфе. Ну вот ему и "повезло" быть отправленным в гущу этой мясорубки. Должно ли говорить, как ему тяжело было тянуть лямку в таких условиях, когда он воевал на чужой земле, где его народ сам является оккупантом и, мало того, что крошить флорэвендльцев, в некотором роде, собратьев по вере, так ещё и подавлять железным сапогом восстания местных жителей, желавших скинуть иго поработителей. В конце концов он не выдержал. Тёмной ночью, когда луны были скрыты под непроглядной теменью густых облаков, он мышью выбрался из палатки и попытался было без шума улизнуть из лагеря. Но те тут-то было. Дартадцы очень хорошо ставят дисциплину и наблюдательность, так что за ним завязалась погоня, уйти от которой он смог, лишь прыгнув в ревущие потоки водопада. Горько сказать, но раньше я всегда его осуждал в сердце, как труса, теперь же моё мнение изменилось.

Ночной бич

В лагере безраздельно царил сонный дух, властной десницей замкнувший веки ополченцев. Едва тлеющие огоньки костров смутно отбрасывали отблески тухнущего пламени на чуть различимые очертания спящих солдат в крошечной тьме эклипса, когда луны скрывают свой взор от пространств Кеменлада. Далёкие алмазные россыпи ночного были сплошь скрыты непроглядной облачной пеленой. Ополченцы лежали по-походному — просто неба на голой земле, подкладывая руки или, в лучшем случае, походные мешки под голову. В связи с относительно недавно прогремевшей Вернской баталии многие предприимчивые ополченцы могли позволить себе роскошь укрыться обветшалыми и утлыми обмотками или ошмётками одежды, некогда принадлежавшей восточным флордмундам. Подле этого беспорядочного скопления кострищ и спящих тел стройно выросла палаточный островок, населённый офицерами и высшим руководящим составом, — говорят, площадь палатки увеличивались прямо пропорционально званию. И в этих беспечных шатрах раздавались сонные звуки, прямо свидетельствующие об отдыхе владельцев. Лишь одни часовые ленивыми тенями скользили меж спящих товарищей, немолчно завидуя их сонному спокойствию, и лишь время от времени перекликаясь друг с другом, сообщая, что всё в порядке.

Из-за близости вражеских позиций и готовящегося штурма крепости Абльен в лагере была объявлена повышенная готовность и дано предупреждение о том, что, кто самовольно свалится со своего поста в обители дрёмы, тот непременно познакомят свою шею с верёвкой. Наказание, конечно, ужасающее, но действенное... или нет? Несмотря на то, что фигуры, чернеющие на фоне бледных кострищ, стройно стояли с уверенностью тополя, не смыкая век, в их глазах, однако, удивительным образом чувствовалось отсутствие всяческой мысли, а если тщательно прислушаться, то можно было услышать тихое посвистывание, наводящее на серьёзные подозрения. Многим может показаться странным, как можно спать, стоя как боевая лошадь и не смыкая век, но, как показывает многолетний опыт многих армий Кеменлада, при должной сноровке и желании спать можно и очень даже легко. Очень скоро это халатное обстоятельство повернётся роковым образом для всеобщей безопасности.

Лагерь был разбит на укромной поляне среди густого леса, что, по крайне мудрому мнению не менее мудрых военачальников, должно было сокрыть передвижение войска Северного Флордмунда от дерзких глаз противника. Непробудные чащи и дебри леса, сокрытые днём от лучезарного солнечного света плотным зелёным саваном, тёмными ночами ещё пуще прежнего окунались в пучину тьмы, из глубин которой поднимались зловещие и кровожадные твари, блещущие на страницах всевозможных бестиариев. Вот и сейчас, как положено, они вышли на охоту. Покрытые сумраком лесистые дали преисполнились протяжными криками, шипением, ворчанием, гортанным храпом и переливались голодным воем и рыком, то приближающимся, то отдаляющимся в глубь. По-видимому, твари боялись огня и столь большого скопления людей, но шум подбирался всё ближе и ближе...

Время дежурства первой стражи как раз подходило к концу. Бодрствующие часовые молча радовались и с упоением сердца предвкушали скорое избавление от тягостной рутины

и возможности всецело предаться отдыху, а те, кто сонно бдели, на глубинном уровне подсознания готовились к пробуждению.

Из-за гущи девственной листвы, на краю опушки, вновь донеслось шуршание. Тихий топот лап неслышно расползлся по округе. Рохард открыл глаза. Гейбрин явственно ощутил, как мурашки в бешеном хороводе носятся по его спине, а сердце яростно бьётся, словно намереваясь выскочит из груди. Это могло означать лишь одно. Он моментально схватил лежащий подле клинок и, полусознательно повинаясь многолетней профессиональной привычке, встал в особую оборонную позу, действительную против крупных плотоядных бестий. Ему не хотелось будить товарищей, ведь они устали от тяжелейшего перехода, а что, если у него просто расшалились нервы и уши начали обманывать своего владельца, а это всего-навсего ветер колышет летние травы? В эти секунды Рохард попал под действие пагубного заблуждения: надеяться на лучшее, когда налицо выплывает его противоположность. Он изо всех сил напряг весь слух, словно тетиву лука, сосредоточил на нём всё своё внимание и, как будто, сам стал слухом.

Действительно, лёгкое шепуршание слышалось где-то поблизости, но, быть может, это часовой? Внезапно раздался приглушённый вскрик и падение тела на землю. Сомнений быть не могло. Рохард стремительно схватил круглый сыромятный щит. Тотчас после этого возле него послышались едва уловимые шаги. В густой тьме выросли эфемерные очертания крупного тела, светящегося двумя крупными, раскосыми хищными глазами. Раздался короткий гортанный рык. Гейбрин тотчас выставил вперёд щит и вовремя, ибо одновременно с этим тварь сделала резкий рывок и её удар как раз пришёлся на сыромятный круг. Заблокировав первый удар противника, Рохард хладнокровно перешёл в наступление, отколов внезапный выпад в сустав передней ноги твари и одновременно поднял с этим страшным криком: «Тревога»!

По лагерю волной пробежал сонный нестройный шум просыпающихся ополченцев, ускоренный раздавшимся с другой стороны лагеря душераздирающим воплем, — верно менкасс, без сомнения, это он, уже приканчивает какого-нибудь злосчастливого часового. Та часть лагеря, которая была разбужена этими двумя криками, подняла вокруг себя невообразимый шум, нацеленный на то, чтобы поднять излишне упавших в сон товарищей.

Выпад Рохард оказался удачным. Взвизгнув от боли, тварь слегка отпрыгнула назад, грозно оцетинившись. Охотник знал что последует за этим далее. Прошипев исполненную злобой вокальную партию, бестия резко повернулась всем телом, намереваясь свалить своенравную добычу с ног при помощи хвоста. Благодаря приобретённому опыту, Рохард прыгнул как раз в тот момент, когда хвост просвистел у него прямо под ногами. Приземлившись, он немедленно вновь выставил щит, на которой тут же пришёлся страшный удар передними лапами менкасса, чуть не расколовший его пополам. С трудом сохранив равновесие, Рохард вновь ударил тварь, на сей раз по горлу. Вязкая алая кровь полилась ручьём из раны. Разразившись пронзительным криком, менкасс отступил к сумраку опушки. Но охотнику хорошо был известен этот обманный манёвр. В немом ожидании держал он в напряжении каждый сустав своих ног, ведь сейчас от их быстрого действия будет зависеть без малого его жизнь. Привыкшие к тьме очи приметили, как задние лапы твари неожиданно пригнулись, верхние разразила некая судорога и... наверное, менкасс успел разогнаться и прыгнуть чуть ли не за секунду, по крайней мере, даже умудрённый давним опытом верный глаз Рохарда не успел детально усмотреть и оценить всего манёвра, — единственное, что он заметил, так это размазанное тёмное пятно, играющее злобными жёлтыми точками. Столь

же мгновенно, как прыгнула тварь, пригнулся и охотник. Пока менкасс пролетал над ним, открывшись незащищённым животом, Рохард уверенно и умело воспользовался данным обстоятельством, всадив острие клинка до самой рукояти аккуратно в летальную для бестии область. Судорожный гортанный рокот твари, бессильно упавшей на землю, раздался в ответ. Её жёлтые раскосые глаза злобно блеснули на Рохарда, горя непреодолимой жаждой крови, пасть зло зашевелилась, всё тело вздрогнуло, ноги сделали попытку подняться и... она оказалась последней. Сражённый точным ударом, менкасс умер в считанные секунды.

Тотчас, как тварь изрыгнула последний свой вздох, друзья Гейбрина, поднятые на ноги от крика и звуков борьбы, во всеоружии подбежали к нему, спросив, не видя ещё безжизненного тела твари из-за непривычных к темноте глаз, чего ради, собственно говоря, поднята вся эта шумиха.

Охотник молча взял за руку Гавруса, так как он стоял ближе остальных, подвёл его к туше и приказал пнуть ногой.

— Теперь видишь? — в заключении лаконично спросил охотник.

— И что же это за тварь? — спросил кто-то, не искушённый в зоологии родного края.

— Менкасс, — просто бросил Рохард, — прожорливая и хитрая тварь, причиняет немало неприятностей лесникам и таким же охотникам, как я. В большинстве своём, они охотятся крупными стаями, и, если он уже напали на нас, то не остановятся.

И действительно, менкасс был поистине устрашающей тварью, наводящей страх своей кровожадностью на весь Флодмунд. Быстрые, вечно алчущие и дьявольски хитрые менкассы выползают с наступлением сумерек из своих укромных логовищ и отправляются на поиск пищи, в ходе которого способны проходить без усталости многие лиги. Самым опасным в менкассе является даже не его физическая сила, тонкий нюх и слух, или острые когти, а тесная социальная связь между членами группы, из-за которой они всегда приходят на помощь сородичу в бою.

Точно в подтверждение слов Рохарда с дальнего конца лагеря разнёсся душераздирающий крик.

— О чём я и говорил, — с удивительным спокойствием заключил Рохард.

По всему лагерю вновь слышался нестройный и тревожный рой озадаченных и испуганных голосов, бормотанья и окриков. Явственно шумели надеваемые в спешке куртки и поддоспешники, лязгали клинки и трещали костры, в кои немедленно начали подбрасывать новое топливо для пущего осветления прилегающей территории. Жадно проглотив свежую порцию топлива, кострища с бодрым устремлением стремглав взвились вверх, поражая своим живоносным и озаряющим светом бездонную пучину окружающей тьмы. Ещё не осознавав толком, что за опасность нависла над ними и откуда её ждать, ополченцы недоуменно перекидывались вопросами и загадочными взглядами, полусознательно стремясь как можно ближе держаться друг к другу.

В глазах Рохарда вспыхнул угасший было азартный огонь минувших дней.

— Господа, — обратился он, обернувшись лицом к вспыхнувшим лагерным кострам, к своим друзьям не без торжественности в голосе, — кажется, пришла пора охоты. Дело опасное и я не могу рисковать вашими жизнями, — вы мало что понимаете в охоте, а для меня это было единственным прокормом. Сейчас же моя обязанность уничтожить этих тварей безвозмездно, ради спасения других людей. Поэтому, таким делом я займусь самодично, и крайне прошу вас не пытаться геройствовать.

Не дожидаясь ответной реакции собратьев по оружию, охотник резко развернулся и

размеренным бегом ринулся к другой окраине, где, согласно крику, должен был сейчас буйствовать другой менкасс.

Долго искать бестию не пришлось, — в паре сотне футов от Рохарда раздалась громкая канонада человеческих голосов, феерично завершённая двумя пронзительными воплями. Глаза охотника говорили яснее всяких других слов. Весь преобразившись в теле, он сжался, будто гепард перед рывком, и бойко рванул вперёд, соколом рассекая воздух. Почти за пару мгновений оказался охотник у месте происшествия, где менкасс яростно жевал и рвал ногу несчастного, болтающегося, точно подвешенная за хвост белка. На траве рядом с полыхающим кострищем виднелись два недвижимых силуэта, окунутых в тёмные пятна. Им уже не помочь. Вокруг места драмы, в почтенном отдалении, полукругом стояли другие ополченцы, робко держась за свои мечи, готовые в случае чего постоять ха себя, но ни в коем случае не лезть на рожон и спасти другого.

Молниеносно достав стрелу из колчана, Рохард спешно вложил её в лук и прицелился, — стрелять в темноте сомнительное счастье, но тут уж выбирать не приходится. Пущенная стрела, к сожалению, угодила не туда, куда целился охотник, — в глаз, — а напрямик в правую ноздрю твари, так как та некстати дёрнула головой в самых неподходящий для этого момент. Неистово взревев от боли, менкасс с силой швырнул несчастную добычу в сторону, заставив её прописать во время полёта парочку живописных пируэтов. Разъярённый зверь, скаля пасть, начал мельтешить взад-вперёд, ища своего обидчика. Рохард тем временем не терял драгоценные секунды понапрасну и пустил зверю вдогонку вторую стрелу. Выстрел, однако, вновь оказался неудачным, поскольку стрела лишь проскользнула по спине твари, не оставив на ней и царапины. Зато менкасс на сей раз увидел обидчика и уверенно рванулся к Рохарду.

Охотник отскочил как раз вовремя, ведь, задержись он на мгновение, и пасть чудища уже бы жадно впилась в его плоть. В отместку охотник отвесил удар клинком в межреберье. Толстая шкура поглотила большую часть урона, но чувствительная рана всё-таки осталась. Не дожидаясь ответа, Рохард решил рискнуть и нанести ещё один удар, на сей раз по шее. Но менкасс почувствовал угрозу, иначе не как ни объяснить его сумбурный рывок, из-за которого отточенное лезвие оставило лишь широкий косой рубец. Теперь очередь твари отплатить за свои страдания. Разъярённо прорывав, она кинулась в лобовую атаку на Рохарда, сбив того с ног. Защищаясь сыромятным щитом, он отразил нападку острых когтей и наскоки прожорливой пасти, и, выждав удобный момент, снизу вонзил клинок в шею.

Менкасс отшарахнулся от неожиданной боли, но полный злобы огонь глаз говорил, что просто так сдаваться он не намерен. Рохард, впрочем, точно так же не собирался складывать руки. Предуведив атаку, он ловко парировал выпад зверюги и крепко ударил по составу передней лапы зверя, так крепко, что клинок разрезал этот член тела надвое. Изнывая от боли, раненная бестия отчаянно рванулась, грозя загрызть охотника, но, когда она только разинула пасть, то Рохард с достойной грацией воткнул острие в открывшиеся отверстие, прикончив агонию менкасса.

Ещё с одной тварью покончено....

Разобравшись с пятой особью, Рохард снова заметил угрожающую картину. Тварь, гроза рыча, плавной поступью приближалась к растерянному офицеру, отчаянно и как-то несуразно, словно под действием вина или слабоумия, мотыляющему перед собой мечом. Вполне естественно, что алчущий зверь мало обращает внимания на эти сумасбродные прыжки и ужимки будущей жертвы. Так как действие происходило подле костра, то

разглядеть облик менкасса не составляло никакого труда. Это была крупная тварь, достигающая в длину девять футов и пять в высоту. Внушительное продолговатое туловище, приплюснутое в задней части, было усеяно мелким матовым чёрно-бурым мехом, и оттенялось серой полоской, совпадающей с резким выступом хребта. Покоилось туловище бестии на четырёх крепких, но в тоже время гибких и подвижных конечностях, с ярко выраженными суставами, на конце которых виднелись овальные лапы, снабжённые рядом белых, коротких, но чрезвычайно острых, как морфитская сталь, загнутых когтей, позволяющих твари манёвренно передвигаться на высоком столбам деревьев дремучих флоридских лесов. Длинный жилистый хвост, освобождённый от ига меха и укрытый лишь редкими ворсинками, послушно извивался сзади твари, готовый в любой момент или помочь ей в поисках и передвижению в чаще деревьев, или же спустить свой гнев на голову несчастного противника. Вытянутая яйцеподобная голова соединялась с туловищем посредством толстой и короткой шеи, лоб был покатым и низким; прямо под ним в глубоких орбитах сидели огромные раскосые жёлтые глаза, полыхая ненасытным хищным огнём, ищущим кого бы обыдох и пожрох. Узкие щели, находящиеся на месте зрачка, лишь только усугубляли впечатление. Голова оканчивалась длинной пастью, состоящей из двух окостенелых частей, похожих на вытянутый лепесток с острыми краями, в недрах которых и скрывался двойной зубной ряд. Из всего облика этого порождения ночной тьмы и бича лесов сквозило глухой злобой и пылкой жажды крови.

По обыкновению Гейбрин запускает руку в колчан, но не находит там равным счётом ничего за что можно было бы схватиться — явление весьма предсказуемое. Не пускаясь в излишне долгие размышления, он выхватывает из кармана куртки метательный нож — добрая привычка перестраховываться снова оказала добрую услугу — и запускает его в цель. Конечно же, снаряд попадает не в намеченную точку, но своё дело он выполняет с лихвой: тварь мгновенно переключает внимание на нового нападающего и характерным для менкассов быстрым рывком насккивает на Рохарда, попутно сбив хвостом ошеломлённого офицера с ног.

Точно выверенный выпад клинка горизонтально разрезает алым рубцом морду твари на две равных половины. Раздражённо вскрикнув, бестия пытается было в отместку ранить обидчика, но Рохард с похвальной расторопностью уходит от удара, нанося попутно ещё одну рану в области хребта. Взмах хвостом. Прыжок. Охотник всё ещё стоит на ногах. Удар всё тем же хвостом сверху. Снова неудача — сыромятный щит выручает из щекотливой ситуации.

Вдруг, менкасс как бы отступает перед неприятелем и начинает быстро-быстро, подобно буревому осеннему ветру, носится кругами вокруг Рохарда. Мышцы охотника инстинктивно напряглись, ожидая апофеоза этого мудрёного манёвра.

Удивительно, до каких выпретенных высот доходит автоматизм у человека. Поэтажно развиваясь от неустанно приобретаемых навыков, в конце концов он произрастает через всё естество человека, будто бы становясь с ним единым целым. Привычка, пустившая корни, уже будто выходит из-под юрисдикции разума, порой становясь полноправным хозяином положения. Доходит часто даже до того, что автоматизм целиком и полностью изгоняет разум с умом из головы владельца, как ненужных пассажиров, превращая, тем самым, *homo sapiens* в *homo machina*, преисполняя его шестерёнками, заменяя плоть на бесчувственный металл, чувствительное сердце на работающий двигатель, а душу — на матричную систему алгоритмов. И живут такие живые механизмы, да проживают припеваючи в подобном

состоянии всю жизнь, если только не приключится какого-нибудь необыкновенного приключения и homo machina не окажется в полностью новой и необычной для него обстановке, где откатанные до нельзя готовые решения проявят полную несостоятельность. Но всё же не стоит столь однозначно демонизировать привычку, ведь, без добровольного согласия владельца, она не властна его поглотить. Человек думающий заставляет привычку служить себе, человек недумающий охотно подчиняется ей. Однако, даже для думающего существа существует некая опасность, исходящая от привычки или рефлекса. Это опасность заключается в срабатывании механизма в самый неподходящий момент, когда его действие нежелательно. Борьба с этим трудно, так как привычка в такой момент срабатывает в прыжке перед сознанием происходящего. Подвернул скверную шутку рефлекс и Рохарду.

Ожидая, что круговорот, как всегда окончится резкой остановкой и прыжком, Рохард не подметил истинного намерения твари, и, когда она внезапно рванулась к нему наискосок, то застала его врасплох. Несмотря на свою неготовность, охотник всё же успел хоть немного отскочить в сторону, хоть острые когти твари всё равно прошлись по нему, разорвав кожаный поддоспешник и оставив на теле неглубокую рану. Рохард наотмашь ударил менкасса, но это лишь более взбудоражило азарт хищника. Выставленный щит принял на себя удар, но выдержать второго яростного удара разгневанной бестии он не сумел и с треском раскололся на две части. Мгновенно последовавший следующий удар заставил охотника отлететь в сторону. Он даже не пытался подняться, потому что знал, что сейчас это бесполезная и губительная затея, — единственный шанс одолеть бестию, это дожидаться, пока она откроется для атаки и нанести удар снизу первым, при возможности, откатившись куда-нибудь в сторону. Так Рохард и сделал. Дождавшись, когда тварь подойдёт к нему и предпримет решительные действия, он резко выкинул клинок в пасть твари, но, к его удивлению, вместе с этим отпала и голова менкасса. Стряхнув с себя остатки победы, он увидел над безжизненным чёрным телом Олфирра, возле которого стояли остальные.

— Как погляжу, помощь тебе, наверно, всё-таки понадобится, — не без иронии заметил он, протягивая Рохарду руку.

Штурм Абльена

Очередная стычка между землями Флодмунда, к удивлению, на сей раз приняла характер систематизированной войны, под час которой Север предпринял попытку захватить ключ к землям Востока, — крепость Абльен. Абльен заграждала собой стратегически важный проход на центральное плато Флодмунда и непрерывно существовала с эпохи морфитского владычества, при которых её именовали Ту'Ак. Непрístupную твердыню многожды перестраивали и отстраивали, так что обнаружить следы оригинала можно было лишь на уровне запущенных подземелий. Абльен был оставлен морфитами добровольно и впоследствии верой и правдой служил Флодмунду, прославившись тем, что он был взят лишь один раз за всю свою многовековую историю, — но, поскольку он пал под натиском легендарного легата Капитонуса Вицера Алькесса под час печальноизвестной Великой Войны, то на репутации крепости это нисколько не отразилось. Конечно, за годы сумятиц и внутренних раздоров Абльен значительно пострадал от неумолимого течения времени и отсутствия должного обслуживания, — но это не мешало ему по-прежнему быть одной из лучших действующих крепостей в стране, украшенной многовековым ореолом славы, возможно, потому, что последние столетия обороноспособные крепости вообще почти не строились.

С тех пор, как Флодмунд раскололся, Абльен был неприступным препятствием для Севера, неборимым заслоном, предотвращавшим для Востока опасность быть подвергнутым нападению с Центрального плато — наименее защищённого региона, служащего благоприятнейшим плацдармом для дальнейших военных действий. Многовековой опыт, копившийся в бурных недрах каждой стычки, в конце концов пробился в светлые головы командования Севера и они уразумели, что, без взятия Абльена не видать им торжества победы, как джунглям снега. Посему, после многочисленных и напряжённых собраний, созрел чрезвычайно дерзкий план, заключающийся в том, чтобы неожиданно приступить к твердыне и взять её приступом, сыграв на неподготовленности защитников к подобному манёвру. Должно сказать, что расчёт их оказался правым: убаюканные славой неодолимой крепости, её защитники оказались неготовыми к материализовавшимся из дебри лесов полчищам противников. Хоть разведка и предупреждала о передвижении вражеских войск, но подобной прыти, признаться, никто не ожидал.

Небесный светильник едва-едва вставал из-за края земли, готовясь к долгому трудовому дню, и начинал робко произлевать свои первые златоносные лучи в предрассветные сумерки. Серо-голубое небо было ясно и спокойно, лишь далеко на юге виднелись островки мелких рваных облаков. Над пространством, отделяющим твердыню от опушки леса, стоял лёгкий туман, надёжно скрывающий противников от глаз друг друга. Северные флодмундцы, поднятые ещё в час тьмы, стояли в боевой готовности, нетерпеливо ожидая приказа командования, — стоять пнём при такой холодрыге и сырости без возможности развести костёр занятие весьма сомнительного удовольствия. Некоторые, чтобы побороть усталость и сонность, накопившуюся под час тяжёлого перехода — последние пять дней разжигать костры строго воспрещалось, дабы не выдать своей диспозиции противнику, — собирали с высокой травы росу и отирали ею лицо. Лёгкий шепот и гул голосов простирался по ополченцам, серьёзно переживающим из-за предстоящей опасности. Наконец среди рядов

появились офицеры, они, не вдаваясь в словоблудие, немногословно скомандовали идти вперёд, на приступ.

Волна ропота пробежалась по рядам.

— Это полный бред, — полушёпотом в своей излюбленной манере тарабанил Бренделл, осторожно поглядывая по сторонам, чтобы какой-нибудь случайный офицер не подслушал его lamentаций, — наиглупейшая затея, брать приступом, вооружившись одним лишь слабоумием и отвагой Абльен, — это вам скажет даже младенец, если он, конечно, сможет говорить. Я, конечно, никогда не сомневался, что в маститых полых шарах, которые именуются по ошибке головами, наших воевод ветер ходуном ходит и всё никак не находит об что стукнуться, но чтоб настолько...

Бренделл резко оборвал свою вдохновенную речь, увидев подозрительно оборачивающегося офицера, бросившего пристально-всматривающейся взгляд.

— Бренделл прав, — тихо прошелестел Гаврус, — нас попросту ведут на убой, будут топить, как котят в тазике.

— А тебе приходилось это видеть? — многозначительно спросил Кинрир.

— Может, вы уже прекратите? — с раздражением сказал Рохард, — от вашей болтовни легче не станет, будет, что будет.

— Будет-будет, — повторил в ответ Бренделл, — телами нашими засыпят стены и по ним заберутся.

— Хватит нести чепуху, — сердито заметил Кинрир.

— Всё, молчу, скоро увидим, кто прав.

На этот раз предположение Бренделла оказалось необоснованным. Хоть в эффективности озвученного им метода, ставшего поистине традиционным в военной практике, никто не сомневался, но с точки зрения командования в данный момент предпринимать такую тактику было не то что нерентабельно, но даже и неликвидно. После взятия крепости закономерно возникла ключевая цель всей этой кутерьмы — захват Востока, а для дела подобного калибра требовалось известное количество живой силы, почему раскидывать ополченцами нужно было с умом. Абльен был настоящим замком, стоящем на входной двери, но ко всякому ключу есть свой ключ.

Сминая траву под сапогами, неспешными стройными рядами шагали флордмунцы к отвесным каменным стенам. Сквозь мутную пелену тумана начали проступать зыбкие очертания твердыни, гордо закрывающей собой проход между низкими осыпавшимися вершинами утлых Кейруанских гор, бойницы, машикули, угловые башни и ров говорили о предстоящих испытаниях, с которыми будет сопряжён штурм Абльена. По лицам многих солдат было, что замешательство и страх закрались в их души. Многие уже бормотали последние, как они думали, мольбы к духам, моля принять их павшие в бою души, но неожиданно, когда армия подошла к середине пути и, сквозь начинавший было рассеиваться туман, увидели даже развязно бродящих по стенам часовых, земля разразилась оглушительным грохотом, будто твердь расколосась в самой своей основе, сопровождаемым не менее сильным трясением, от которого, казалось бы, должны рассыпаться в прах сами горы. Одновременно с этим все тонны неодолимой и несокрушимой каменной кладки были подняты, словно пушинки, снизу огненным столпом и в разрушительном вихре беспорядочно разбросаны по близлежащей округе, зашибив как некоторых защитников крепости, так и стоящую на подступах вражескую армию. На месте бывшей непреодолимой

стены зияла страшная дыра, окуреваемая дымом и пылью, оставшимся от бедствия, не осталось ни следы, ни от башен, ни от бойниц, ни от машикулей, а тёмная борозда рва была сплошь засеяна до края каменными обломками. В Кеменладе лишь одно вещество обладало столь сокрушительной мощностью, чтобы с лёгкостью уничтожить стену крепости — порох.

Ни до, ни после так и не стало известно, почему Дартад предоставил образчик своей секретной технологии вражескому государству, с коим не имел даже официальных дипломатических отношений, но, как впоследствии судачили местные, точно не из благожелательных мотивов. Это подтверждается тем фактом, что получена партия пороха была без помощи Лорда-канцлера Внешних Дел, так что, по всей вероятности, это было проделкой пресловутой Imperatoris Oculos — полумифической организации, работающей исключительно на Императора и под его эгидой. Наиболее осведомлённые сплетники утверждали, что подобным действием имперцы намеренно пытались превратить одну из бесчисленных стычек в настоящую войну, ослабив в кровавой бойне флордмундский народ, а затем взять его живьём — насколько верна эта догадка мы уже никогда не узнаем. Применение дартадского пороха стало поистине ошеломляющей оплеухой для защитников крепости, да и по правде сказать, всего Северного Трелива, ведь ожидать можно было что угодно, но только не это. Именно поэтому слуховые колодцы, закованные в бесчисленных паутинах из-за вынужденного бездействия, мудро выкопанные ещё в морфитский период, не выполнили своего долга, так как гарнизон, по обыкновению, ожидал примитивной лобовой атаки.

Пользуясь ступором и паническим страхом врага, ударившимся в суеверный ужас при виде фонтана пламени, офицеры приказали солдатам немедля идти в пролом. Большинство из атакующих были в весьма сходных с их оппонентами ощущениях, поэтому наказ был выполнен с некоторой проволочкой, потребовавшейся для приведения в чувство ополченцев. Первой ринулась в образовавшейся пролом сумбурная орава потрёпанных судьбой и интендантом людей, по флордмундской системе классифицируемая как тяжёлая пехота. Рьяно крича нечленораздельные слова, выпучивая глаза и поднимая волосы дыбом, они с отвагой вздымали первых попавшихся защитников на копья, очищая для своих воинских собратьев площадку дальнейших действий. Теперь настала очередь остальных.

Рохард, как и все, был озадачен увиденным действием, так как сам факт существования пороха был ему неведом, поэтому фееричное исчезновение бассейна явно походило на магическое вмешательство, чего точно так же не могло быть. Не произнеся ни слова, впрочем, как и остальные, он послушно повиновался приказу офицера и пошёл в авангарде войск, задача которого состояла в закреплении успеха тяжёлой пехоты. Хоть осаждённые были неописуемо испуганы и озадачены произошедшим изменением в пейзаже, но всё же стараниями коменданта крепости и посулом познакомить всех с верёвкой на суке кой-как они были приведены в боевую готовность и отправлены отбивать наплыв супротивников. На башнях возвысились силуэты лучников, лихо разящие проворными стрелами зазевавшихся ополченцев. Из казарм коготой высыпались, как горох из бочки, пешие воины, на ходу надевающие шлемы и перчатки. Во всю гремели свою призывную песнь трубы, возвещая не терять время зря.

Вошедшие в кровавый раж тяжёлые пехотинцы не заметили, как их лихо завлекли вглубь укреплений и, отрезав в закрытом дворе, вызвали подкрепление, перебив в ловушке незадачливых противников одним за другим. Окончив с этим, защитники крепости кинули все силы на сдерживания противника подле бреши. Силы северных флордмундцев к тому

времени уже в значительном количестве проникли за стены, и сперва-наперво нужно было разделаться с ними. За этим на уцелевшие стены были перекинута лучники, имеющие приказ стрелять непрерывно до тех пор, пока хоть что-нибудь живое шевелится среди врага. Очень быстро среди захламлённой горами расколотых блоков площади начали высится такие же горы трупов, сочащихся ещё тёплой кровью, сливающейся от ручейка к ручейку, от речушке к речушке, от реки к реке, создавая самое настоящее подобие кровавого озера, украшенного островками безжизненных тел.

В такой страшной бойне и приходилось вертеться Рохарду вместе со своими боевыми товарищами, рискуя каждый час встрять ногой в неодолимое вязкое смертное болото. Щиты трещали от ударов, то и дело раскалываясь под неумолимым напором, броня рассекалась десятками ударов в считанные секунды, превращаясь в беспомощно висящие хлопья, мечи, копья и топоры ежечасно ломались и ломались в яростных схватках, стрелы судорожно летали, грозя каждому участнику этого сумасшедшего водоворота неминуемой гибелью.

— Хорошенько пошли Родину защищать, нечего сказать, ляжем все костями на этой чёртовой груде развалин, — в перемешку битвы бурчал Бренделл, верней себе при любых обстоятельствах.

Упор атакующих постепенно продавливал отчаянное сопротивление защитников, но вместе с этим, чем меньше их становилась среди трупных холмов площади, тем злее и яростнее терзали лучники свои стрелы. Видя это, Рохард решил слегка поубавить интенсивность обстрела методом ликвидации излишков в стане стрельцов, иными словами, перебить как можно больше народу. Встав в более-менее спокойном месте, насколько оно может быть спокойным в клокочущей гуще битвы, он достал из-за спины трофейный лук, вложил стрелу в тетиву и начал уверенно приводить свой план в жизнь. Опытная рука, привыкшая к охоте в чаще леса, безошибочно сражала цель одна за другой, так что, как не без цинизма подметил Рохард, это оказалось куда легче выслеживания зайцев и перепелов. Подобное сокращение популяции, конечно, не было оставлено без внимания вражескими стрелками. Выследив столь результативного противника, они начали выцеливаться, стремясь навсегда окончить сезон охоты. И вот, рука одного из восточнофлоридских лучников отпускает тетиву, выпуская оперённую стрелу на свободу. Со скоростью осеннего вихря мчится она над полем брани, грозя поразить Рохарда в самое сердце. Он же в это время излишне увлечён и упоён своим занятием и не замечает нависшей опасности. Пару футов разделяют Рохарда и заострённый наконечник, когда он, наконец, замечает его. Отчаянное, но бессмысленное движение судорогой пробегает по всему телу, предвещая приход холодной гостии, он бессознательно зажимает глаза и... ничего. Сквозь полуоткрытые веки Рохард встречается взглядом с Бренделлом, губы которого конвульсивно сжались, словно бы пытаясь произнести последнюю ругань, но с сомкнутых уст так и не слетело ни звука, — только-но глаза затуманились мертвенным стеклянным взором. Гейбрин вмиг всё понял. Подхватив обмякшее тело товарища под руки, он полуобернул его и увидел то, что ожидал, но одночасно и боялся увидеть, — стрелу. С силой выдернув проклятый снаряд, он молча опустил охладевшее жизнью тело на землю и, достав лук, навскидку выпустил извлечённый снаряд в лучника, который, по его мнению, был причастен к смерти Бренделла. Жадно впившись в горло жертвы, стрела извлекла из него несвязный поток хрипа, вслед за которым тело тяжело пошатнулось и камнем упало со стены вниз, в клокочущую внизу битву, пополнив собой курганы павших бойцов.

Рохард мерил вытоптанную землю лагеря медленными шагами. Он только что отошёл от своих друзей, стоявших до сих пор там, подле могилы Бренделла. После окончания жестокого побоища за Абльен, закончившегося позорным проигрышем защитников крепости, и закономерно последовавших вслед за этим расплат, выраженных в отпиливании и отрезании членов тела самым рьяным и несломным бойцам, пришла горестная и грустная пора хоронить павших в бою воинов. Несмотря на огромное количество поцелованных смертью тел, Гейбрин всё же смог отыскать то заветное место, где он навсегда расстался со своим ворчливым боевым товарищем, и даже сумел вытащить брненное тело из-под завала таких же брнных и никому не нужных тел. С немногословной скорбью сообщив остальным в кратких словах о случившемся, он посоветовался с ними, как быть: хоронить ли его в братской могиле вкупе с подобными ему ополченцами, или схоронить где-нибудь под тихой липой в укромной стороне. Зная характер усопшего, нетрудно было догадаться, что, если перспектива быть упокоенным вместе с «пустоголовыми дятлами» мало ему улыбалась при жизни, то сейчас, после смерти, возможность остаться навечно со своими сослуживцами, должно вселить ужас в его отлетевшую душу.

Похороны происходили неспешно, по-простому, без помпы и напыщенных фраз, одним словом, по-солдатски. Вырыв яму достаточной глубины, так, чтобы хищники не смогли её расхитить, в глухом молчании все прощались с Бренделлом, зная, что ворох словопрений ему уже никак не поможет, а им он лишь только встрепенёт душу. Но, несмотря на незамысловатость обряда, в самом воздухе чувствовался дух благородства, ощущался своеобразный блеск величия, подобно тому как солнце отражается в битых кусочках стекла. Особенно подавлен был исконный противомысленник Бренделла — Кинрир, испытывающий, насколько это можно судить по лицу, истинный переворот всего нутра.

Ещё до начала похорон Рохарда нагнал гонец из полевого штаба, устно сообщивший, что он срочно вызывается к командованию по важному делу. Признаться, охотник был немало удивлён подобным раскладом, ведь ничего выдающегося или, наоборот, постыдного и гнусного он не совершал, почему и интерес к его скромной персоне казался чрезвычайно странным. Окончив проводы в последний путь, Рохард не попрощавшись с друзьями, резко развернулся и зашагал прочь от свежерытой могилы, увенчанной островерхим обломком некогда неприступной стены Абльена.

В лагере северных флудмундцев царило шумное оживление, играющее одинаково как торжествующе-радостными, так и скорбными нотами. Одни ополченцы поминали своих павших товарищей, пользуясь щедротами разграбленного крепостного погреба, другие во всю плотку веселились, прибодряясь всё теми же щедротами, горланили со всей мочи бодрые и порой непристойные военные песни, сопровождаемые не менее задорными и заливными танцами. Отдалённые от игрищ самодельные клетки вновь преисполнились узниками, понуро склонившими головы и болезненно поглядывающими на свои раны. Тем, кто значительно пострадал от нанесённых ран, была уготовлена страшная участь вскорости умереть от ужасных условий содержания и полного отсутствия врачебной помощи. Сказать по правде, врачей в лагере было меньше полудюжины и все они предназначались для ухода за офицерским и командующим составом. Как говорят, среди них присутствовал даже выпускник медицинского факультета Эиринского Университета, окончивший полный курс обучения.

Минув лихие забавища, Рохард приметил выступающие палатки, образующие как бы

небольшой городок, колыхающийся под беспорядочными налётами ветра. Пройдя мимо часовых, в отличие от большинства ополченцев, находящихся в трезвом состоянии, Рохард стал отчитывать палатки и хоругви, ожидая 23-ей палатки от входа. Палатка, а, верней, шатёр 23, оказалась значительно больше остальных. Под круглым сводом шатра ясно слышался чей-то разговор, так что Рохард в нерешительстве стал перед входом, боясь непроизвольно накликать на себя гнев начальства дерзким вторжением. Разговор тёк не спеша, стройным звонким ручьём, без шёпота, намёков, подёргиваний глаз и прочей туманной дряни.

— ... то есть, вы считаете, что это можно назвать успехом? — спросил чей-то густой голос.

— Вполне, — ответил другой, более приглушённый и грудной, — не вижу причин, говорить иначе.

— А потери с нашей стороны и травма подрывника?

— Потери пустяковые, по сравнению с той выгодой, которая теперь открылась перед нами после взятия Абльена. Ты только представь, _ в голосе незнакомца запрыгали патетические нотки, — ты только представь, что мы наконец-то, хвала духам, после стольких лет, смогли сдвинуться с этой проклятой мёртвой точки и взять в свои руки ключ от земель противника. В коем-то веке мы отгромыаем настоящую войну, а не эти жалкие стычки в ложке супа. Ты хоть представляешь, какими милостями, каким золотым потоком осыплет нас правитель, благодаря взятию Абльена? Да это же золотая жила! И что, что она орошена кровью? Покажи мне победу, не обагрённую этой дрянью. Вот, конечно, травма подрывника весьма северная вещь, это да. Дартадцы могут нам за это предъявить претензию, дескать, почему так вышло?

— Но мы-то не виновны в этом, порох — вещь крайне непредсказуемая, — не совсем решительно ответил собеседник.

— Но зато разрушительная. Без него мы бы сидели под этими стенами проклятую вечность и ждали бы чуда, как соловьи лета. Нечего, отплюёмся как-то от имперцев. Скажем так: непредвиденная на войне случайность.

— Не думаю, что они нам поверять, а с такими парнями лучше не шутить. Отговорки с ними плохо работают, скажут: «почему не обеспечили должные страховочные меры»? Как будто к нас есть, чем их обеспечивать!

— Да, в этом ты прав, сын мой, но, всё-таки, подрывник жив. И вообще, давай не будем об этом. Не хочу омрачать сегодняшний светлый день. Лучше скажи: корреспонденцию достал?

— Конечно, — ответил незнакомец и Рохард явственно услышал характерный бумажный шелест, вслед за которым немедленно последовал хлопок, — видимо, стопка весьма бесцеремонным образом опустилась на стол.

Осознавая преступность своего поползновения, Рохард, тем не менее, не смог противостоять искусу и, с легка приподняв край материи, так, чтобы его око могло следить за всем происходящим, оставаясь незамеченным, увидел внутренность шатра. Он был обставлен со вкусом, но строго: добротная и качественная мебель, отличалась простотой и строгостью форм, столы были накрыты цветной плотной тканью, предохраняющей их от износа, по углам шатра высились стойки для оружия и брони, браво играющие своими начищенными до блеска экспонатами. Двое собеседников, облачённые в подобающие им бригантины, стояли друг против друга за центральным круглым столом, на котором лежала

кипа помятой и засаленной бумаги. Приглядевшись, Гейбрин заметил, что это были письма, и среди них сверху лежал знакомый лист с оторванным краем, слегка орошенным застывшей кровью, и кляксой в нижнем углу — это было его письмо домой.

Один из собеседников, — высокий сутулый человек солидных лет с тёмными редкими волосами, взял в правую руку стопку, и, задумчиво осмотрев её со всех сторон, трижды хлопнул ею по ладони.

— Получается, — заговорил он, — эти сволочи умеют ещё писать?

— Как видите, — ответил молодой человек с русыми кудрями, судя по всему, немного побаивающейся своего соседа.

— И что же пишут, — с апломбом спросил сутулый, оперевшись руками на стол и слегка нахмутив брови.

— Правду.

После этого в высшей степени лаконичного и исчерпывающего ответа, старший резко швырнул бумаги на стол и, полуразвернувшись, кинул:

— Разберитесь с этим. И да, — добавил он после донёсшегося до шатра вопля — раз вы будете туда идти, то утихомирьте, наконец, эту пьяную шваль, не хватало ещё, чтобы они друг друга перерезали. Ещё раз с победой, — я пойду к себе. Нужно обдумать наши дальнейшие действия.

Рохард, с присущей ему охотничьей реакцией, немедленно среагировал и беззвучно отошёл за другой край шатра, прочь из зоны видимости этого старого башмака. Дождавшись, пока он окончательно скроется, Гейбрин вышел из укрытия и решительно зашёл в шатёр.

— Вызывали, мессер? — Почтительно спросил он, отдав подобающую честь.

— Да, — несколько растерянно ответил молодой офицер, отодвигая прочь бумаги. — Прошу, проходите, я вас ждал... — офицер было запнулся, но после секунды молчания вновь возобновил бег речи. — Признаться, я восхищен вашими способностями, даже, не побоюсь этого слова, талантами. Да-да, именно ими, по-другому и назвать нельзя. Я видел собственными очами вас при штурме Абльена, как стрелы роем неслись из вашего колчана, сметая всё на своём пути, так что вражеские лучники не успевали даже переключить на вас внимание, как падали замертво. — На лице Рохарда выступила горькая улыбка, которая, однако, не была удостоена внимания оратора. — А ваши действие при нападении на наш лагерь менкассов выше всяких похвал, — если начистоту, то, если бы не вы, то сейчас бы вам не пришлось слушать мои излияния.

Кажущееся до сих пор знакомым лицо вдруг отчётливым образом воскресло в памяти Рохарда. Несомненно, это был именно он, это он был тем офицером, судорожно машущим мечом перед хладнокровно-кровожадной мордой твари, которая чуть его самого не лишали жизни. Сомнений быть не может. Сохранив внешне полнейшее равнодушие, охотник хмыкнул про себя: это многое объясняет.

— Скажите, вы учились в гимназии? — Выпалил молодой офицер без перехода от темы к теме.

— Нет.

— Проходили службу наёмников в иностранном государстве?

— Нет.

Ответ, судя по всему, озадачил собеседника, и тот, задумчиво почесав макушку, прямо спросил:

— Ничего не понимаю, тогда, где же вы научились такому мастерству?

— От учителя, — просто ответил охотник.

— И кем же он был?

— Охотником.

— И всё?

— Ну, служил до этого.

— Где? — неутомно допытывался офицер

Рохарду всё меньше и меньше нравился этот разговор, похожий, скорее, на допрос, цель которого была для него за семью печатями. По этой причине, он привёл себя в полное боевое состояние, на тот случай, если сейчас, за прозрачными стенами шатра, его ожидает свора цепных псов, имеющих приказ его повязать или, что хуже, устранить.

— В дартадской армии на Халфе.

Ответ произвёл благоприятное впечатление на офицера, лоб его разгладился, а уголки губ дружелюбно подёрнулись.

— И, верно, он был панктельцем? — с осязательным самодовольством предположил он.

— Да.

— А как он здесь оказался?

— Дезертировал из армии и залёг на дно в медвежьем углу.

— Что ж, это многое объясняет, а я уже подумал, что вы иноземный агент. В таком случае, в качестве признания ваших заслуг, я имею приказ о вашем переводе в чин лейтенанта под начальством Альфреда Гернулла, вероятно, вы могли его видеть выходящим из этого шатра перед вами. Это важный человек в нашей армии и один из лучших полководцев, промеж нами, идея штурмовать Абльен была именно его детищем.

— Итак, — торжественно провозгласил офицер, отойдя к стоящему в стороне комплекту бригадинты. Рохард не преминул воспользоваться благосклонным стечением обстоятельств и, пока раздавался шум снимаемого доспеха, он незаметным коротким движением схватил своё письмо и сунул за пазуху. Наконец, офицер вернулся и вручил Гейбрину тёмно-зелёную броню.

— Проклятие, — воскликнул он, — совсем забыл о формальной части, впрочем, обойдёмся и без неё. — Со стола был взят ещё один листок, — это приказ о вашем повышении, служите верой и правдой Флодмунду, и Правитель вознаградит вас сполна.

— Долгие лета царствующему дому и смерть всем его врагам! — По этикету прогорлопанил Рохард, кривя душой под гнётом свежих воспоминаний.

Эйфире Бре, улица Вязов, Пусть радость вселится в твоё сердце — у меня всё хорошо, и у моих товарищей тоже. Возможно, ты слышала, что недавно прогремела битва, но для меня она прошла благополучно, чего нельзя сказать о тех несчастных, которым не повезло сражаться на противной стороне, порой, от скотского отношения к пленникам у меня самого сжимается сердце. В любом случае, благодаря духов за спасение от гибели. Надеюсь, что у вас всё также благополучно, — не переживай, вы дождётесь моего возвращения и у всех нас начнётся новая жизнь с чистого листа, по-другому и быть не может. Крепко целую и обнимаю всех, — смотри внимательно за детьми, не балуй их излишне, чтобы не растратить все деньги, но и не крохоборствуй. Твой любящий муж, Рохард. P.S. Не переживай — это не кровь, а вино, просто случайно плеснул из чаши и часть попала на письмо. P.S.P.S. Можешь радоваться — меня повысили до офицера,

теперь уж шансы вернуться выросли в разы.

— Мда, дописать-то дописали, а как теперь мы переправлять его будем-то? — Спросил Рохард дописывающего последние строчки Олфирра.

Оторвавшись на секунду от своего занятия морфит мудро ответил:

— Без понятия, — как-нибудь.

Повстанцы

Действительно, взятие Абльена привело к невероятным для Флодмунда событиям: Север, заполучив в руки заветный ключ, вторгся на исконные земли Юга и смерчем начал сеять среди них разорения и пожары, превращая селения в пепелища, плодородные поля в выжженные пустоши, а жителей водворяя в обители смерти. Конечной целью всей кампании было взятие столицы Восточного Флодмунда и поимка Узурпатора, как именовался тамошний правитель у северян, с последующей публичной казнью, однако командование отчётливо осознавало, что план этот неосуществим из-за недостатка человеческих ресурсов. Осада столицы непременно была бы связана с остервенелым сопротивлением защитников, которые были бы туда стянуты со всех концов земли, так что пришлось сложить под каменными стенами не только войско противника, но и своё собственное. А это, в свою очередь, приводило к невозможности дальнейшего удержания территории, ведь местные вряд ли просто так сложить руки и покоряться своей участи, если будет реальная возможность скинуть иго захватчиков. Поражение ценой победы — вещь сомнительная.

Руководствуясь этими трезвыми рассуждениями, полководцы Северного Флодмунда решились применить испытанный и безотказный, как ржавый гвоздь, метод, именуемый «Огнём и Мечем», заключающейся в полном разорении земель противника и подрыва его внутреннего могущества с ослаблением центральной власти. Через тотальную анархию нужно было выстраивать новый порядок. Плюсом выбранной тактики так же была значительная экономия на провианте, ведь теперь он выдавался добровольно-принудительно сельскими жителями.

В пучине мора и страха смертного приходилось крутиться и Рохарду, который вместе с новым чином заполучил и целый новый ворох обязанностей с головными проблемами. Первоначально, после взятия Абльена, в стычках с неприятелями он начал обнаруживать похвальную дерзость и смелость, граничащую со слабоумием, мстя в своём сердце за гибель друга, но затем, с каждым новым убитым флодмундцем, он всё чаще и чаще стал задаваться вопросом: а виноваты ли они по-настоящему в его скоропостижной гибели? Не выполняли ли они, как и он, приказы командования? Не защищали ли они, как и он, свою Родину? В конце концов, не были ли они, как и он, насильно приведены к данному предприятию? Сомнения в своём деле всё более и более возрождались в его очерствелом было сердце, пока, наконец, мука стала невыносимой. Это и привело его к судьбоносной развилке судьбы, где от выбора пути зависала вся дальнейшая жизнь.

И вот, снова возникает описанная нами картина: могучий столп пепла, порождаемый пожарищем, извиваясь змеёй вздымает главу над окрестностями, будто бы стремясь проглотить само солнце. Из его ужасной чёрной пасти по всей округи распространяется характерное зловоние, возвещающие всему живому о случившейся трагедии. Ужасен лик змея, но не менее страшен и зверь, его породивший. Некогда золотящиеся поля, окружавшие селение, ныне представляют из себя жалкую картину: одна часть гордых злаков болезненно склонилась под злыми копытами, другая была варварски вырезана, а третья попросту предана огню на съедение. Если взглянуть в проселочную дорогу, ведущую к селению, над

которым высится пепельный аспид, то можно легко заметить многочисленные следы солдатских сапогов, не возвещающих ровным счётом ничего хорошего. Заметны и борозды, проделанные колёсами обоза, причем, что интересно, с одной стороны они неглубоки, а с обратной очень даже, что наводит на одну очень тривиальную мысль, озвучить которую, впрочем, мы не будем.

Подходя ближе к месту трагедии, мы внезапно замечаем, что яркое светило начинает быстро меркнуть. Откинув главу ввысь, обнаруживаем объяснение этой задачи: тело аспида становится столь велико, что уже целиком закрывает собой лазурные выси над нами. Запах гари становится всё отчётливее и отчётливее, начиная раздражать носоглотку и вызывая болезненный кашель. По обе стороны от исколесённой и истоптанной дороги продолжают идти бескрайние нивы разорённых полей, претерпевших на себе все привратности судьбы. Наконец, становится видно и само селение, верней сказать, то, что от него осталось: обгоревшие пепелища и одиноко стоящие обугленные стены вчерашних домов. Время времени видны и постройки, всё ещё дожираемые огнём. Однако же, углубившись в дебри селения, вполне возможно найти и не пострадавшие от человеческой ярости постройки, но и в них отсутствуют окна и вышиблены двери, стены испещрены стрелами и измазаны кой-где багровыми пятнами застывшей крови. Тут же, подле них и на улицах, видим мы обезображенные насильственной смертью трупы селян и солдат: этот факт объясняется расквартировкой в деревни отряда восточнофлоридских войск, застигнутых врасплох нападением неприятеля. Не могущие дать организованный отпор, они ввязывались в сражение, где кто мог, отчаянно пытаясь отстоять свою жизнь от цепких когтей смерти. Посему мы и наблюдаем столь странный разброс тел по селению в самых неожиданных местах. Некоторые жители, при самом начале разгрома в деревни, успели попрятаться по погребам, предполагая, что они там в безопасности переживут нашествие напасти, а потом преспокойно выйдут на свет божий и начнут восстанавливать причинённый ущерб. Расчет, однако, оказался в корне неверным. Древнейший экономический принцип войны гласит, что война питает сама себя: искусственно созданный Левиафан смерти не в состоянии прокормиться силой своего существования, — для поддержания существования и дальнейшего шествия он вынужден питаться своими же жертвами, выпивая из них поселения соки и проглатывая тела несчастных. Именно на такой веренице и зиждется его страшное существование, направленное на смерть и только смерть. Обозы, ждущие фуража появились в первые минуты после побоища и первого самосуда над непокорными.

Конечно, помимо сугубо насущных гастрономических нужд, обзор подвалов был обусловлен и неким другим фактором, спущенным сверху. По донесениям надёжных источников, в селении должен был временно располагаться высокопоставленный член военного командования Восточного Флориды. Собственно говоря, именно поэтому и был предпринят захват деревни. При беглом осмотре поверженных и раненых противников, обнаружить человека с должными знаками отличия не удалось, посему был немедленно отдан приказ о оцеплении местности и поиске спрятавшегося воеводы. Первоначальные поиски ничего не дали — по всей видимости, знаки отличия были спрятаны от греха подальше. Не желая отпустить желанную добычу, северные флоридцы, приволокли пинками и побоями всех спрятавшихся офицеров и гражданских, оказавших им приют, на окраину селения, где разверзлся обрыв, ведущий в глубокую балку. Альфред Гернулл, — знакомое лицо, —

собственной персоной вышел к приведённому собранию и в немногих словах заявил, что, или они выдают ему Унцфера и идут с миром на четыре стороны, или он найдёт его и без их собачьей помощи, но преподаст урок за упрямство. В ответ лишь ветер колыхнул пожухлую траву. Оценив настроение народа, Гернулл поставил информатора и наказал искать требуемую личность. Четверть часа длился обзор, но Унцфера был обнаружен, плотно укутанный в дырявый плащ и гладко побритый ради лучшей маскировки. Подойдя к открытому Унцферу, Гернулл бесцеремонно сорвал с него плащ, обнажив офицерский доспех, и жёстко промолвив, что пусть он хоть умрёт, как подобает, а не гнусно прячется в страхе за жизнь под обносками простолоудина.

— Рохард, — громом разлетелось над местом действия, — ты будешь руководить расстрелом. Пусть это отродье получит по заслугам.

— Вы, — прикрикнул Гернулл на близстоящих солдат, — увидите отсюда этот сброд, с ним я разберусь позже, и оставьте здесь офицеров и старейшин: я обещал преподать урок и я его преподам, клянусь духами предков!

Благодаря репутации Гернулла, которую никто не осмеивался испытывать, приказ был исполнен с потрясающей быстротой, ведь все знали, что в противном случае они разделять участь приговорённых, с той лишь разницей, что марасть об них руки никто не будет, а просто-напросто повесят, как бродячих псов, на дышле обоза, оставив алчным вранам клевать их охладевшие тела. Стройным рядом стояли приговорённые, обвернувшись спиной к оврагу, будущему месту вечного покоя, и лицом к солдатам, будущим палачам. Лицо каждого не было схоже на соседнее: здесь были и страх, и ненависть, и презренье, и хладнокровие и даже бесчувственность — многие аспекты человеческих эмоций, смешанных в странной амальгаме.

Признаться, честь, оказанная Рохарду, ему самому мало улыбалась, ведь в тот момент душевные терзания приближались к логическому апогею, выразившемуся в том, что нередко ночи напролёт глаза не смыкались в священном отдыхе, а непрестанно, в самобичующей боли, проносили перед собой минувшие образы погибших и тех, кому это только предстоит. Нетрудно догадаться, что отданный Рохарду приказ лишь сильнее ударил по его покачнувшейся психике, ведь что-то, а палачом ему быть покамест не приходилось. Однако же, и послушаться нельзя: он обещал вернуться домой целым и невредимым, непослушанием же начальству подобная перспективы пресекалась. Терзаемый тяжёлыми размышлениями такого рода, он подошёл к шеренге солдат, стоявшей по правую сторону, и взял командование над расстрельной командой из 20 человек, среди коих находились и его добрые боевые братья. Громким, по уставу бесчувственным голосом, он скомандовал выстроиться в линию, зарядив трофейные арбалеты. Теперь, когда всё было готово и по малейшему указанию десятки жизней оборвут своё пребывание на этом свете, Рохард вновь заколебался и незаметно для себя впал в раздумия. Он бегло осматривал лица стоящих против него офицеров, — запылённые, обветренные, красноречиво свидетельствующие о лишениях перенесенных их владельцами. И каждый раз, пробегая глазами по приговоренным, ему казалось, что там, среди них он видит своё собственное лицо или, что хуже, лицо Бренделла, но стоило лишь всмотреться, как оно бесследно исчезало. Душевные

муки достигали наивысшего накала.

Известно, что при постоянном воздействии внешнего раздражителя на чувствующую часть, она, как правило, со временем притупляется и начинает воспринимать раздражение, как фон, которой можно с лёгкостью игнорировать. Особенно это видно на войне. Первое убийство или даже сам вид трупа поначалу повергает человека в ступор и вызывает тяжёлые переживания, но со временем, когда рука набивается в пролитии крови, подобные ощущения уходят на второй план, и для закалённого вояки лишить кого-либо жизни, это как поздороваться с соседом. Произошло это и с Рохардом, для которого убийство стало неотъемлемой и адекватной деталью повседневности. Но всё же, несмотря на это, как говорилось уже, ему ни разу не приходилось быть палачом. Одно дело, когда тебе приходится бороться за свою жизнь на поле боя, ведь там или ты, или тебя, а совсем иное орудовать над безоружными, теми, кто не может дать отпор.

Но дома его ждёт семья, которой он дал клятву вернуться живым и невредимым, а если он откажется от командования расстрелом, то, зная характер Гернулла, он сам встанет в шеренгу осуждённых. Не прерываясь от раздумий, несущихся со скоростью грома, он машинально приказал солдатам встать наготове. Трофейные арбалеты послушно приняли предложенные им болы и теперь воинственно поглядывали на выстроенную перед ними братию.

Да, вернуться домой он должен, но не такой ценой. Что сказали бы его родные, если узнали, во что он здесь превратился? Как обагрились его руки кровью, чем он был, и чем он стал, как он принял участие в боине собственных соотечественников, поднял руку на Родную землю. В крайнем возбуждении, похожем на помешательство, не осознавая толком, что он делает, Рохард внезапно скомандовал обернуться кругом. При наблюдении данного манёвра, Гернулла обуяло странное чувство, предвосхищающее не менее странную догадку. Со всей силой своих могучих лёгких, он заорал на Рохарда, требуя от него объяснения, но его не последовало.

Внезапно, в уме Рохарда выкристаллизовалась сильная, страшная мысль, предлагающая достойный выход из сложившейся ситуации. Слово внезапно упомянуто весьма условно, ведь, хоть эта мысль и была воспринята Гейбрином в качестве осенения, но на самом деле она долгие месяцы планомерно прорастала в нём, подпитываясь его эмоциями и переживаниями, породила многочисленные догадки и сомнения, пока сама, в конце созревая, не смогла явиться во всей мощи и славе. Пусть это задержит воссоединения с семьёй, но совесть не будет запятнана. Твёрдо утвердившись в решении, Рохард, преодолев ком в горле, скомандовал:

— Стреляй!

Тотчас взведённые курки синхронно опустились, пустив вперёд стремительно несущиеся болты, мигом нашедшие предназначенные им цели. При отдаче команды, Рохард всё ещё стоял лицом к осуждённым, теперь же он решил сменить позицию и взглянуть на последствия своего поступка. Как и ожидалось, Гернулл уже беспомощно

распластался на земле, в посмертной компании двух своих адъютантов. Некогда наводящий леденящий ужас на всякого ополченца теперь был сам же сражён плодами дел своих. Задыхаясь от жгучей боли и бессильной ярости, он попытался было вырвать из груди болт, но при первом же прикосновении к древку его смуглое лицо исказилось в судороге и чрез мгновение застыло в нём навечно.

Из-за спины, в среде ряда осуждённых слышались радостные восклицания и благочестивые пожелания Гернулу, чтобы он вовек жарился на сковородке в кипящем масле. Отвлечённый этим звуковым шумом, Рохард полуобернулся назад и заметил, что ближайший к нему солдат всё так же стоит наготове с заряженным арбалетом, поджав губы и в нерешительности стреляя глазами по сторонам. Рывком приблизившись к ослушнику, Рохард быстро вырвал арбалет у того из рук, вдобавок смирив холодным взглядом. Вооружившись подобающим орудием, Рохард до конца обернулся к колонне приговоренных, мгновенно выстрелив в намеченную им заранее цель и с свойственной ему точностью без промаха поразил её. Сражённый стальным болтом в самое сердце, Унцфер не успел ничего произнести, одарив напоследок Рохарда лишь истым недоуменным взглядом. Тело, испустившее дух, тяжело наклонилось назад и, потеряв равновесие, кубарем скатилось на дно оврага, словно тряпичная кукла. Исполнив своё намерение, Рохард кинул арбалет обратно его владельцу, даже не обернувшись для этого.

Среди всех свидетелей этой ошеломляющей и в высшей степени непонятной сцены царило обескураженное молчание. Каждый, будь то солдат или поселянин, поглядывал на соседа, стремясь заглянуть ему в глаза и убедиться, что им всё это не предвиделось, что наваждённое марево не затуманило им разума. Видя и, более того, осознавая состояние людей, Рохард поспешил растолковать им свой поступок и, что важнее, "продать" его им, дабы получить первых сподвижников.

— Жители Флодмунда, — дрожащим от волнения голосом начал он, вздымая руки к укрытому дымной пеленой небу, — что вы только что видели: жестокую ли расправу над двумя неповинными людьми и их прихвостнями, или же справедливое возмездие негодяем за все их преступления? Я, Рохард Гейбрин, боевой офицер, верный отец и муж, истинный сын Флодмунда, болезнующий душой за свою Отчизну отвечаю вам: это люди были предателями своей Родины, гнусными кровопийцами и получили по заслугам за свои деяния. Оглянитесь вокруг, — продолжил вдохновенно вещать Рохард, рассекая жестом близлежащие виды, — что вы видите? Недавно ли тучнеющие золотом золотые волны нив или же унылые пепельные пустоши, разорённые и попранные чьей-то злой волей? — Выждав драматическую паузу, оратор с новым приливом горячей убедительности повёл речь. — Вы можете, конечно, сказать, что повинны в этом солдаты, окружающие вас в данную секунду и сам вещатель. Не скрою, наша совесть нечиста, мы проливали кровь наших соотечественников и предавали дома их огню. Но доподлинно ли это было плодом нашей воли? Нужно ли нам было всё это само по себе? Нет и ещё раз нет! Мы, я, он, все мои сотоварищи были жестоко обмануты — призванные защищать пределы своих отцов, их заставили предать огню чужие веси. Так что же, раз это не было нашим свободным решением, то кто же был отцом всех этих злодеяний? Я вам скажу: Гернул и Унцфер в частности и всё высшее командование Северного и Восточного Флодмунда в общности. Из-

за непомерной жадности и амбиций названных Правителей, являющихся потомками отцеубийц, наша земля была разодрана бурей междоусобиц и смятений, реки окрашены кровью, а плодоносящие поля засыпаны пеплом. Видя это, я, Рохард, вольный сын Флодмунда, счёл себя свободным от клятвы, принесённой мной при поступлении в ополчение, и, согласно древним законам нашей страны, произвёл суд над убийцами. Кто меня осудит за это? Кто хочет видеть разлитым океан раздоров и смертей? Покажись!

Мощный посыл риторического вопроса, согласно ожиданиям оратора, остался без ответа — все без исключения слушатели немолчно внимали его лихорадочной, захваченной огнём праведного гнева речи и невольно соглашались с сказанными словами. Наконец, некто и осмелился подать глас одобрения, вслед за которым, словно горох из мешка, посыпались и другие.

— Он прав, устами его движат духи!

— Истину он говорит, никто не хочет этой братской брани!

Воочию убедившись в успехе, Рохард повёл её к заключительному этапу.

— Итак, — начал он, как только голоса стихли, — я, Рохард Гейбрин, сын Мелькора, отрекаюсь от своей прежней клятвы верности военному командованию, но, тем не менее, не отказываюсь от принесённой клятвы верности Флодмунду, и буду хранить её до конца. Поэтому я буду сражаться за свободу и благоденствие своей страны. Не только с внешними врагами, но и с внутренними, кои страшней любого самого грозного завоевателя, ибо поедают корень жизни народа изнутри. И пока наша земля не будет очищена от внутренней скверны и не воссоединена в былом единстве, я не вложу меч в ножны. Кто готов пойти за мной? Кто готов встать на защиту Отчизны? Кто готов постоять за землю отцов?!

— За тобой в пламень и в водную пучину, — раздался в ответ традиционный обет следования, вслед за которым из ряда застрельщиков вышел и сам вопиющий. Это был Кинрир.

Выйдя из ряда, он медленно, без лишних слов, приблизился к Рохарду и... обнял его.

— Очень надеюсь, что ты понимаешь, что делаешь и чем это всё кончится, — предостороженно шепнул он на ухо лёгким дуновением ветерка.

— Конечно понимаю, — почти столь же тихо отвечивал Рохард, — но в противном случае тень Бренделла будет неотступно преследовать меня до могилы.

В общей целостности, отряд Рохарда был наполнен двумя дюжинами его сотоварищей, выразивших готовность сражаться за Флодмунд и только Флодмунд. Вслед за этим немедленно развернулась негласная война, понеслись галопом диверсии, перехваты обозов и

покушения на высокопоставленных лиц. Вполне понятно, что такая яркая жизнедеятельность не могла остаться без внимания со стороны армии, поспешившей, после того как были убиты несколько высокопоставленных лиц, начать охоту за дезертирами, которые под наплывом повышенного внимания быстро наловчились успешно скрываться в непроходимых дубравах, болотах и предпринимать внезапные, как налёты хищных птиц, молниеносные атаки, с немедленным отступлением вглубь леса.

Одновременно с этим следует осветить и порядком более масштабные события, радиальным образом отразившиеся на судьбе Рохарда и его сподвижников. Принимавший грозные обороты конфликт серьёзно озадачил Правителя Южного Флодмунда и его окружение. Если бы северяне достигли своей цели и стяжали полную и безоговорочную победу над противником, то Юг Флодмунда оказывался под нешуточной угрозой вторжения двух объединённых Земель, дать существенный отпор которым он вряд ли был в состоянии. Поэтому, прозаседав две недели, обтесав друг об друга кулаки, сорвав голоса и нервы в нескончаемой цепи дебатов, Советом Правителя было решено безотлагательно оказать военную поддержку восточному соседу для предотвращения дальнейшей победоносной экспансии Севера. Объявление войны произошло быстро, бесхитростно и бесповоротно: просто-напросто в один прекрасный солнечный день, без предупреждения, полчища южного Флодмунда вторглись в пределы боевых действий и обрушились на головы северян смертоносным градом.

В гуще происходящих сражений и побоищ, Рохард со своими соратниками смог по-настоящему развернуться, ведь в относительно небольшом земляном отрезке он мог преспокойно кошмарить сразу три армии. Но вместе с этим поднялись и сами ставки: теперь партизан преследовал не один отряд, а целых три, так что уходить от погони становилось всё сложнее и сложнее. Если первоначально можно было попытаться стравить преследователей друг с другом, то впоследствии, после десятка стычек, они разумно договорились меж собою о нейтралитете, пока идёт выживание дезертиров.

А Северный Флодмунд тем временем начал постепенно сдавать позицию одну за другой из-за объединённого сопротивления Востока и Юга. Прилив начал отступать. Вместе с театром военных действий менял дислокацию и Рохард, — какой прок-то шарахаться по мирным территориям? Наконец, завоеватели были выдворены с территорий Востока и началось наступление на сами исконные земли Севера, погрузившие их в пламень смерти и озарившие ночные небеса заревами пожаров. Вот здесь и проявился во всей своей красе стратегический талант Рохарда. Скорбя сердцем за родную землю и стремясь всеми силами сохранить её в мирном виде, в пущем неистовстве начал косить он неприятелей в бесконечных вылазках и засадах, заманивать в хитроумные ловушки и заводить в гиблые места, лишая жизни целые отряды. Вместе с этим неимоверно вознеслась и его слава, так что он стал главной темой для обсуждения у ночных костров, окрестив лихого повстанца Лесным Демоном, — скрытый комплимент, отражающий его неуловимость и беспредельную удачу.

Комплименты комплиментами, а нести потери от партизан никому не улыбается. Поэтому, сосчитав потери и учувя грозящую опасность телесам, военное командование,

скрепя душу, решило всё же раскошелиться и объявило о солидной награде за поимку означенной банды дезертиров — живыми или, что ещё лучше, мёртвыми, так что них точно не будет проблем. Вот здесь-то и обнаружилась ахиллесова пята повстанцев, и, надо заметить, обнаружились именно среди своего стана, ведь среди повстанцев нашёлся некий равнодушный к золоту человек, готовый ради обладания Жёлтым Дьяволом продать хоть душу, а может и две. Сговорившись с карательными отрядами, он выдал им местоположения одного из тайных привалов, условившись, что, после очередной вылазки, он даст им знак, что всё тихо и можно приступать к делу, а после можно брать их тёплыми во сне, хоть живыми, хоть нет, ему всё равно — лишь бы получить по счетам.

События благоприятствовали заговорщикам — стремясь воссоединиться с семьёй, Рохард занял постоянное место для стоянки подле своего родного города, производя оттуда набеги и вылазки. Главным причиной использования убежища возле многолюдного города был план по эвакуации семейства, предусматривающий её транспортировку первоначально в этот лагерь, а потом уже куда-нибудь в глубокий и надёжный тыл. Как говорится, хочешь стяжать успех — держи свои планы при себе. К великому сожалению, Гейбрин не был знаком с подобным мудрым советом. Это, впоследствии, и послужило ему горьким уроком.

Возвращаясь однажды после очередной стычки, он вместе с остальными заночевал в помянутом лагере, чая следующем днём вызволить семью. В томном сне мерещились ему призрачные образы родных, он с трепетом осязал их и радовался долгожданному воссоединению. Но неожиданно лицо жены преисполнилось необъяснимым ужасом и она резко рванула его за плечо, погрузив Гейбрина в кажущиеся бесконечным падение в звенящую пустоту, взорванную под конец душераздирающим криком. Раскрыв глаза, Рохард начал по своему обыкновению прислушиваться к окружению. Приглушённые шаги украдкой разлетались по лагерю. Встав, — последняя время Гейбрин постоянно носил броню и не снимал её даже во время ночного отдыха, — он аккуратно приблизился ко входу в палатку и осторожно приподнял полу. Блёклый отсвет костра слабо осветил Айтина, позаговорщически крадущегося к кустам. Почувствовал недоброе, Рохард тотчас разбудил своих ближайших товарищей, вооружился самострелами, и притаился в ожидании дальнейших событий, которые не заставили себя ждать. Вскоре после ухода Айтина по всей периферии лагеря зашумели кусты, из-за зелени коих начали появляться чьи-то недобрые лица.

Уразумев факт предательства, Гейбрин не растрачивая время попусту, вскинул арбалет и выстрелил по первой попавшейся цели, его немолчному примеру последовали и другие. В ответ раздалось четыре приглушённых крика, сопровождаемых громкими хлопками, словно что-то тяжёлое враз рухнуло на землю всей своей массой.

— Тревога, нас предали! — со всей возможной дурью заорал Рохард во всю мочь своей глотки, изрядно всполошив как повстанцев, так и животный мир спящего леса.

Сразу же после предупреждения он ничком рухнул на землю — полезная привычка доставшаяся в наследство от армии, — и вовремя. Секунда промедления и тело охотника было бы пронизано роем болтов, уподобив того ежу. Воспользовавшись решетоподобным

состоянием палатки, Рохард схватил лежащий рядом заряженный арбалет и через проделанное отверстие отослал ещё одного карателя на встречу с пратоцами. Повторив позу морского котика, охотник взглянул на испуганные лица сотоварищей и понял, что отстреливать противником по одному не лучшая затея, так как, во-первых, их слишком много, а во-вторых, по всей видимости, отстрел ему придётся совершать самому. Взбудораженный разум в секунды перебирал самые многообразные и бесчисленные идеи, откидывая одну за другой в бешеном вихре, пока, наконец, не остановил свой выбор на весьма рискованном варианте. Вскочив на ноги, Рохард прожогом выбежал из шатра и, подавшись вперёд всем телом, ринулся к стоящей близ палатке, служащей своеобразным складом. Благодаря неожиданности манёвра, ему удалось выгадать у противником драгоценные миги. Лишь когда он с разбега запрыгнул в палатку, вслед запоздало полетели свистящие снаряды, изрядно потрепавшие многострадальную нервную систему.

Продолжая извиваться на пузе, Гейбрину удалось нащупать в потёмках искомый маленький мешочек, добытый в тот памятный день, когда Гернулл изрыгнул свою душу в разгаре злодеяний. На радостях одарив мешочек поцелуем, он бережно взял его в руки и под визг болтов подполз к выходу из палатки. Интенсивность обстрела к тому времени значительно снизилась и каратели, решив, что все, кого можно было застрелить, уже перебиты, высвободили клинки и, издав боевой клич, кинулись к палаткам. Медлить было нельзя. С размаха бросив мешочек в догорающие головни костра, Рохарда быстро откатился назад. В тоже самое время над сонными чащами проревел взрыв, оглушивший своим адским криком всю округу. Ближайшие к костру палатки были сметены чей-то сильной невидимой рукой и теперь беспомощно валялись на скрюченных кустах, а люди, которым не повезло в момент взрыва стоять на ногах, столь же жалко барахтались на спинах, оглушённые силой взрывной волны.

Рохард тяжело поднялся на ноги и покачиваясь, словно опьянев от вина, направился к своим спутникам. Сквозь мучительный звон в ушах и трещание в голове, до него донеслась какофония, поднятая птицами, пробуждёнными от сна, и яростный вой хищников, перепуганных не меньше своих пернатых братьев. Схватив по дороге небольшой горшочек, Рохард тотчас приспособил его к делу, метнув в ползавшего по земле головореза. Дело это было не столь лёгкое, как можно подумать с первого раза, ведь глаза Рохарда будто сошли с ума и носили перед собой тройные, а то и четверные, фантомы реальности, плавающие по кругам в сумбурном танце. Из разбитого горшочка вылилась тёмная, вязкая субстанция, отдающая отчётливым маслянистым запахом. Выхватив из кострища ещё озарённую поцелуем огня головню, охотник метко метнул её вдогонку. Только-но остатки дыхания огня соприкоснулись с жидкостью, как неудержимый поток яркого пламени заполнил собой стоящую в лагере мглу. Страшный, пробирающий до дрожи костей вопль разом вырвался из нескольких глоток. Соприкоснувшись с маслянистой жидкостью люди попали в палящие объятия смертельной стихии, превратившись за раз в ходячие живые факелы, подверженные ещё в этой жизни настоящим геенским мукам. Разражаясь бездонным воплем, тщетно валялись они по земле, пытаясь отделаться и сбить беспощадные языки огня, с ненасытной жадностью пожирающего их плоть. Воспользовавшись замешательством, Рохард подскочил к тому месту, где оставил товарищей. Хоть палатка и превратилась в сито, но, к счастью, живой материал сохранился. Подняв бойцов, он привёл их в более-менее мобильное

состояние и в гуще огненного беспорядка уложил последних карателей. Собрав выживших, Гейбрин немногословно приказал хватать всё самое ценное и давать дёру в лесные чащи, пока сюда не подоспели другие, вспомогательные отряды охотников за головами. Начавшие долетать с юга крики лишь подтвердили мудрость его слов.

Когда злосчастная стоянка была составлена позади и охотник, во главе колонны выживших, удалился в зелёную пучину, почти что сразу его глаза узрели страшную картину: возле ствола массивного, как скала, древнего дуба сидел человек, с застывшей гримасе ужаса, от одного вида которой душа уходит в пятки. Разинутый рот был озаглавлен торчащим одиноким арбалетным болтом, крепко прибившим Айтина к дереву. Исходя из сугубо прагматично-экономических причин каратели прикинули, что делится значительной частью вознаграждения с прохвостом невыгодно, а посему и решили вычеркнуть его из уравнения, как только он сыграла свою роль. Впрочем, как сказал Кинрир, также опознавший тело и догадавшийся о остальном: «собаке собачья смерть».

Час смертный

Преследуемые, словно дикие звери, отрядами гончих, они неустанно пытались оторваться от погони, целенаправленно выбирая наиболее трудные маршруты через непроглядные дубравы, тёмные чащи, стремительные реки и гиблые болота, но охотника за головами проявляли отнюдь не меньший энтузиазм, решительно преодолевая все возникающие на пути препятствия. Так Рохарду приходилось уходить всё дальше и дальше на север, так что, в день, когда он смотрел на белевшие вдали снежные пики, в его голове зародился новый рискованный план — перевалить через *Тьёорхунские* горы и на время осесть в приграничных землях Скральдсона, пока буря немного не стихнет. Хоть осуществление подобного замысла и было сопряжено с величайшим количеством сложностей и опасностей, однако другого способа сбросить с хвоста надоедливых головорезов пока не предвиделось.

Первоначальная реакция партизан на подобное предложение была крайне отрицательной, после ещё одной недели нескончаемой беготни, перелетания с места на место, постоянного трясения в страхе от надвигающейся беды, нервы дали знать своё, и колеблющиеся приняли план перехода, осуществления коего было предпринято немедленно. При помощи географических познаний Ольфирра был выбран наиболее благоприятный и близкий к беглецам перевал, известный в народной среде под обнадеживающим названием Костяной Путь.

Утеплённые самодельными накидками и плащами из шкур подстреленных животных, повстанцы начали свой длинный извилистый путь по узким горным тропам, огороженным, с одной стороны, головокружительными отвесными уступами, а с другой бездонной пропастью. По мере того, как отряд подвигался всё выше и выше по опасной горной дороге, восхождение становилось всё более и более трудным, так что количество привалов возрастало прямо пропорционально высоте с математической чёткостью. Под час каждого подобного привала многие повстанцы тревожно подбирались к обрыву, тщательно вглядываясь в распростёртую перед ними синюющую даль: не виднеются ли там, внизу, огни от костров преследующих их по пятам головорезов?

Под вечер, возле линии вечных снегов, где густой холод опутывает путника в своих цепких объятиях, вновь был сделан привал. Избрав в качестве временного пристанища широкий каменистый выступ, с нависающей над ним скалой, беглецы расторопно очистили площадку от обломков горной породы и зажгли костры, в миг наполнив негостеприимные и суровые горные обители хором человеческих голосов. Рохард стоял вдалеке от своих соратников и в глубокой тоске созерцал раскинувшийся перед ним пейзаж родной земли. Смотрел он на великую лампаду, плавно и величаво уходящую на ночной покой за край небосвода, осыпая перед сном земля последними лучами своей милости, окружёнными со всех сторон наступающей стеной синей мглы. Смотрел он на причудливо извивающиеся ленты ручьёв и речушек, бурлящих животворным серебром. Смотрел он и на дорогие сердцу непроходимые леса, тронутые замысловатыми мазками осенних красок, с раскиданными по ним пятнам милых полей с их покрывалом из буйных диких трав и цветов.

— Терзаешь душу перед уходом? — Многозначительно спросил чей-то знакомый голос за спиной.

Обернувшись, Гейбрин увидел Кинрира, заложившего руки за спину и точно так же

сосредоточенно созерцавшего картину природы.

— Что поделать, нельзя покинуть Отчизну, не возмущив при этом духа, — серьёзно ответил охотник. — А уходить придётся всё-равно. Или мы уйдём, или ляжем здесь костями навечно.

— Вот это меня и беспокоит, будто у нас два варианта: умереть здесь, во Флодмунде, или там, в Скральдсоне. Ты уж прости, но, как по-мне, если уж умирать, так лучше уж упокоится в земле предков.

— Не совсем тебя понимаю. Мы условились, что переберёмся в Скральдсоне месяц-другой, пока вся эта завирюха не утихнет, а затем проскользнём обратно.

— Хорошо сказать, «переберёмся», но кто нас там ждёт, гм? Ты мне не скажешь?

Кинрир с похвальной меткостью поразил больное место. Помыслы Рохарда в последнее время как раз обуревались этой тяжёлой мыслью, которая из раза в раз приводила всегда к одному и тому же заключению и следующему за ним мучительному решению.

— Никто. — мрачно ответил Рохард. — Нам придётся идти по стопам Людбина Этрийсуокского.

Судя по непоколебимому выражению лица Кинрира, именно такой ответ он и ожидал услышать. Но в разговор вмешалось третье лицо.

— Стать разбойниками с большой дороги?! — возмутился Олфирр, стоявший в стороне у костра, но подслушавший благодаря острому морфитскому слуху беседу и решивший окончательно разобраться в вопросе.

— Ну, не совсем, — несколько смущённо ответил Рохард, — мы просто будем по мере необходимости брать нужные для пропитания вещи.

— Какой ещё из Людбина разбойник?! — одновременно с Рохардом выпалил Кинрир.

— Обыкновенный, — без тени смущения спокойно ответил Олфирр и обратился к Рохарду: — А если мы будем «брать» необходимые нам вещи, то чем же мы будем лучше разбойников и этих самых воров, от головорезов которых мы сейчас убегаем за горы, прочь из Отчизны?

— Тем, что мы будем заниматься этим не пали наживы, а во имя высокого дела. Иногда приходится чем-то жертвовать, чтобы чего-то достичь.

— Вот именно, что чего-то. А чего именно? Будет ли, в конечном счёте, стоить результат затраченных на него усилий? Да и вообще: не превратимся ли мы сами, под час борьбы, незаметными образом в наших же врагов?

— Мне кажется, я никого арканом не тащил за собой, и выбор встать на стезю освободительной войны был добровольным. Если у кого-либо возникли сомнения относительно выбора, то он волен решать свою судьбу сам, — жёстко отмолвил Рохард. — Мне не нравится мысль о разбое не меньше твоего, Олфирр, но я отчётливо понимаю, что иного пути нет, что мы не можем отступить, что сделанный нами выбор обязует идти до конца, несмотря на затраченные усилия и жертвы. Иного выхода нет.

— Нет, или его просто не желают видеть?

Рохард открыл уже было рот, чтобы возразить, но подбежавший к нему в тревоге повстанец прервал острую нить разговора.

— Тама, оно, стоят, уже — нечленораздельно тархтел как сорока молодой человек, по-видимому, в состоянии крайнего возбуждения.

— Говори как человек, — несколько грубо прикрикнул Кинрир, — от твоего трескота никакого толка.

Молодой человек бросил смутный взгляд на Кинрира и на секунду замолк, приводя себя в порядок и стараясь немного успокоиться.

— Каратели уже внизу, — ядром вылетело сообщение, встревожившее и остальных повстанцев. Вместе с этим молодой человек махнул рукой, указывая, где он заметил противника.

Без слов, все лавиной кинулись к крайнему правому краю уступа и, вытаращив что есть мочи глаза, начали усиленно прочёсывать местность. Долго искать и не пришлось, — у самого начала горной тропы виднелся алый рубин, отчётливо и как-то зловеще мерцающий в сгущающейся тьме сумерек. В перекинутых взглядах было видно нешуточные опасения.

В свете открывшихся обстоятельств, было решено немедленно сниматься с стоянки и как можно быстрее перевалиться через горы. В самом крайнем случае, если преследователи проявят упорство, можно будет выбрать удобную узкую расщелину, засесть на её вершине, и расстрелять загнанного в ловушку неприятеля с двух сторон. Оставалось только надеяться, что подобное место найдётся.

Серебристый песок звучно скрипел под сапогами повстанцев, оставляя вслед за ними предательский след, которым неминуемо воспользуется их преследователи. Горные вершины в рассеянном свете луны сверкали таинственными всполохами бриллиантовой пыли. Но мало кому приходило на ум наслаждаться красотами. Нестерпимый холод, несмотря на сопровождение меховых накидок, снесал беглецов от кости до кости, сводя тело в всё растущей и растущей боли. Грудь каждого участника похода периодически судорожно вздымалась, стараясь захватить как можно более воздуха, но как будто не находила его здесь, в облачных вершинах, и после вдоха настойчиво продолжала требовать новой порции кислорода. У некоторых повстанцев, если верить их словам, начались головные боли и головокружение. Вести такого характера мало радовали Рохарда, но ничем помочь он не мог, — иногда приходится смиряться с ударами судьбы, если ставки слишком высоки.

Ближе к полуночи, когда изнеможение членов тела стало нестерпимым и мышцы грозили скоропостижно окончить своё печальное существование, один из молодых повстанцев, склонивший от усталости голову вниз в бездумном созерцании однообразной дороги, заметил, что по снежному покрову тревожно забегали короткие змейки, постепенно всё увеличивающиеся в размерах. Вскоре, вслед за появлением змеек, с юга налетел мощный порыв ветра, заставив весь отряд сморщиться от ледяного удара. Первым догадался о причине столь странных событий Олфирр. Окинув взглядом южное небо, он увидел там, что, собственно, и ожидал увидеть.

— Начинается метель! — прокричал он, указывая рукой на густые и тяжёлые свинцовые тучи с молниеносной скоростью несущиеся с юга.

Крик Олфирра столь странно прозвучал в немом царстве необитаемых высот, где, казалось, первозданная тишина никогда не раздражалась звуком жизни, что многие из его соратников от неожиданности пошарохались, а два человека и вовсе упали в снег, потеряв равновесие. Предоставив помощь пострадавшим, был экстренно созван всеобщий совет, который должен был решить, какие действия предпринимать далее. Первоначально голос взяли наиболее беспечные члены отряда, с наигранной бравадой заявившие, что солдату, познавшему нестерпимое дыхание смерти в затылок, нечего бояться какой-то там завирюхи, — подует да и только. Чай, не впервой в жизни со снегом сталкиваемся. На это необоснованное заявление Олфирр сразу же обрушил всю тяжесть своего рации и здравомыслия, указав, что пережить метель в горах не равносильно посиделкам у камина за

тёплыми деревянными стенами. Любого, кого метель застигнет врасплох в горах, ожидает лишь адский холод, полное отсутствие видимости, беспорядочные ледяные шипы, осколки камней и сучья ветвей жалами разящие плоть и слепящие глаза, да постоянная угроза быть заживо погребённым под отколовшимися кусками породы, ведь даже равновесие столь маститых гигантов не может противиться не знающей преград силе ветра. Если решено навечно остаться в этих глухих местах, то такой вариант просто идеален.

В последовавшим вслед за этим предложением была выдвинута мысль махом перескочить злосчастный перевал и отдышаться на скральдсонской стороне, за надёжными спинами исполинских гор. Однако и эту идею никак нельзя было принять без риска для жизни, ведь, судя по всему, метель надвигается семимильными шагами, а чтобы достичь безопасного участка придётся истратить солидный запас времени, под час коего их неминуемо настигнет снежный шторм. Не дожидаясь дальнейших прожектов, Олфирр, как признанный глашатай здравого смысла, сам предложил оптимальный, по его заверениям, план действий, заключавшийся в том, чтобы как можно скорее выбрать устойчивый закуток, забуриться в него и закрыться от метели самодельными экранами из шкур. Предложение снискало поддержку большинства, поэтому поиск укромного уголка начался незамедлительно.

Второпах рассекая сухой снег, процессия то и дело кидала косые взгляды на небо, откуда на них стремительно надвигалась карающая длань природы, всё чаще и чаще посылающая свои приветы в виде нахлыывающих морозных потоков. Подогреваемые разгорячёнными нервами, повстанцы на время забыли о холоде и усталости, которые недавно были единственными предметами их внимания. Десятки глаз внимательно обследовали каждый выступ, каждый булыжник, расщелину и трещинку, которая смогла бы оказать им бесценную услугу. В своих поисках они постоянно вглядывались в невозмутимое лицо Олфирра, ища в нём искру одобрения, но уста морфита были крепко сомкнуты, а блеск заинтересованности не возгорался в глазах.

Когда бешеный ветер уже вовсю обжигал спины, а белесовая масса начала слепить глаза и закрывать собой округу, взгляд Рохарда, отчаявшегося было в спасении, зацепился за черневшее вдаль отверстие. Не желая подавать другим ложной надежды, он решил покамест оставить свою находку в тайне, — вдруг это лишь скверная шутка воспалённого сознания. Но вытянувшаяся на длинной шее голова морфита, сделавшая его до смешного схожего с цаплей, косвенно подтвердила, что если галлюцинация и имела место быть, то она была общей.

Подбодрив лёгкие, Рохард, прорывая голосом тысячегласный вой ветра, проорал во всю глотку, что впереди лежит пещера, указав взмахом руки её местоположение. Дальнейших приказаний или пояснений давать не пришлось. Все ополченцы как один ринулись к благословенному тёмному отверстию, в этот час более для них прекрасному, чем летняя ночь и взгляд любимой.

Безумным табуном всыпались повстанцы в раскинувшийся перед ними высокий, но низкий проход, плавно уходящий вниз и скрывающийся за крутым поворотом. Не впадая в излишние измышления, люди разом повалили в глубь укрытия, наступая друг другу на ноги и ожесточённо орудуя локтями, пытаясь, без какого-либо логического основания, первыми выбиться непонятно куда. Этим самым непонятно куда оказалась довольно небольшая полость, как раз подходящая по размерам для завалившейся братии. Придя немного в себя, повстанцы вдруг разразились взрывом гомерического смеха, который был классифицирован

Олфирром, как яркий приступ невроза. Так или иначе, не будем вдаваться в дебри психологии, но спасение от снежной смерти вызвало побочный эффект: отступившая доселе усталость навалилась с новой силой и многие люди, с отдохновением сомкнув веки, просто расстелились по тёмному полу пещеры, предавшись блаженному отдыху. Рохард, однако, после кратковременной передышки, отдал наказ разжечь костры, так как хоть пещера и защищала от атак метели, но холод всё одно настойчиво давал о себе знать. С недовольным сопением и кряхтением, словно столетние старцы, поднялись дежурные, на ощупь побрѣвшие в поисках запасённых дров. Ощутив окоченелыми пальцами шероховатую поверхность, они тяжело побрели с грузом в центр пещеры и, сложив костёр, внесли первые признаки света в пещерную мглу. Слабый огонёк с каждой секундой натирал силы, пока, вконец не возмужав, не пролил свет в пещерную утробу.

Незаметно для себя, Гейбрин провалился в дремоту, спокойное существование которой было нарушено Гаврусом.

— Чудесно началось наше пребывание в Скральдсоне, верней, оно даже успеть не началось, как мы чуть не двинули коней, — без предисловий обратился Гарвус к Рохарду, устало приникшего к базальтовой стене.

Охотник сменил позицию, выбрав более удобное позу для отдохновения.

— Если тебе что-то не нравится, — начал он усталым голосом, — то всегда можешь развернуться и уйти восвояси, повторяю — я никого на аркане не тащу, вы все сами добровольно примкнули к сопротивлению.

— Но, не надо так погибаться уж-то, — смущённо отвечивал кот, — я просто говорю, что дурной это знак.

— А ты всё ещё веришь в знаки?

— А как в них не верить-то? — с удивлением спросил звересь. — Все знаки, которые я замечал, рано или поздно сбывались: война случилась, меня призвали, Бренделл погиб — знаки обо всём этом рассказывали заранее. Обо всём. Просто, мало кто их замечает в жизненной суете, а толковать их может ещё меньше народу.

Бровь Рохарда лишь скептически изогнулась над тёмными глазами, но разубеждать друга в силе знамений и знаков он не стал, отчасти потому, что понимал бесплодность такой затеи, отчасти потому, что он, как истый флордмундец, сам чувствовал внутри себя какое-то неясное благоговейное отношение к подобным вещам, берущее начало в подвале бессознательного.

Чтобы избавиться от этого чувства, столь тщательно вписанного в его наследственную душу, он начал бродить взглядом по пещере, рассматривая своих соратников. Привлѣк его внимание Олфирр. Морфит, в отличие от всех остальных, продолжал уверенно стоять на ногах и, мало того, был всецело поглощён изучением естественной ниши в толще базальта. Казалось, усталость ничуть не тронула его, хотя, в принципе, так оно и было — природные данные его расы превосходили по физическим показателям людской род и утомительный горный перевал показался ему приятной, за исключением метели, прогулкой.

— Ей, чего ты там возишься с этой каменюкой? Неужели ты нисколько не утомился от борождения на краю пропасти?

Ответа не последовало. Позвав морфита во второй раз, охотник убедился, что тот его не слышит.

— Вечно как уйдѣт в себя, так потом хоть мулами его вытягивай, — недовольно пробубнил охотник и внезапно, повинувшись жгучему любопытству, волевым усилием

поднялся на ноги, дабы узреть, что же так поглотило внимание ума учёного друга.

Подойдя к высокой фигуре, Гейбрин медленным движением положил руку ей на плечо. Реакции не последовало. Подождав с минуту, охотник переменял тактику и включил в свой арсенал словесное оружие.

— В чём дело?

От неожиданности Олфирр вздрогнул. Повернув голову, он увидел Рохарда и, сделав глубокий выдох, сказал:

— Видишь углубление в стене? — сухопарая рука указала на черноту базальтовой глыбы.

Внимательно присмотревшись, Рохард действительно обнаружил там множественные углубления, незаметные для рассеянного наблюдателя.

— Да.

— И как думаешь, на что они похожи?

— Что тут думать-то? Ясен пень, что на буквы, только некоторые из них выглядят не совсем по-нашенски.

— Вообще-то, именно, как ты выразился, «по-нашенски» они и выглядят, — с учёным видом знатока заявил морфит, пробегая пальцами по врезанным в скалу буквам. — Это старофлордмундский алфавит.

— Если это старофлордмундский язык, то или он чертовски непохож на современный или здесь нацарапана полная бурдень, — знакомые буквы не выстраиваются ни в одно слово.

— Мне думается, что ни то, ни другое. При анализе можно выявить определённую логическую последовательность, что наводит на мысль о том, что это текст, но просто зашифрованный.

— Что-то уж-то больно странным мне кажется сочетание тайного послания из глубин веков и этого духами забытого отшиба мира, — с ухмылкой проговорил Рохард, осматривая таинственные знаки.

— Нечего странного, нам следует думать, что именно с подобным расчётом и всё было устроено. Впрочем, не следует гадать на пустом месте — расшифрую послание и всё станет на свои места. По крайней мере, я на это надеюсь.

— Надежда вещь хорошая, но ненадёжная, — глубокомысленно заметил Рохард, — у нас мало времени, а провозиться с этой дрянью можно долго.

— Во-первых, — возразил Олфирр, пожирая глазами зашифрованную весть из старины, — всегда можно зарисовать знаки, благо, бумага у нас есть, а во-вторых, моё чутьё, верней, логический аппарат, подсказывает, что здесь задействован шифр Ауриса, — поскольку в прошедшую эру область криптографии была мало развита, а для подобных размеров данный шифр подходит лучше всего. Если это действительно так, то мне следует просто подобрать количество знаков, на которые нужно переставить букву, чтобы взломать текст.

— И сколько это займёт времени?

— О, совсем немного, я уже перебрал восемнадцать позиций вперёд, пока ты не отвлёк меня.

Кинутый взгляд заставил Рохарда невольно ступить назад и виновато съёжится. Некоторое время прошло в молчании, когда морщины сошли с напряжённого чела и губы Олфирра расплылись в улыбке.

— Готово, — с едва сдерживаемым торжеством воскликнул он, ударя себя по коленям

и пританцовывая на месте, что уже само по себе было нонсенсом.

— Итак, — продолжил он после эйфорического приступа, возбуждёнными глазами осматривая Рохарда, плохо подавляющего охвативший его интерес — приступаем к работе: «Вступил в чертог ты мрачный путник, обжитый мудрецом великих дней. Так припади к коленям, путник, и честь воздай, как подобает ей, по заповеди минувших дней».

Когда Олфирр окончил чтение, то сиявшее было лицо вновь попало под власть раздумий. Признаться, он ожидал от текста куда большей конкретики и информативности.

— Проклятье, какой дуболом додумался покрывать шифром какую-то дрянную загадку, — в сердцах прошипел он, пылая от негодования. — Почему нельзя прямым текстом сказать, почему надо сыпать шарадами, как градом из облака?

Рохард молча похлопал Олфирра по спине. Именно подобный финт ушами он и ожидал увидеть, — хоть морфит и хорошо образован, но до понимаю флудмундского менталитета ему далеко. Загадка, однако интересная, и неплохо бы её раскусить, просто так никто бы не оставлял шарад в горной пещере, да и время ждёт — метель должна ещё продлиться до утра, поэтому времени будет предостаточно. А сейчас можно отдохнуть, прилечь или присесть и... Мысль Рохарда удачно споткнулась об многообещающую догадку. Жестом отстранив Олфирра, он ещё раз обежал взглядом зашифрованную загадку. Два раза обошёл её взад-вперёд, а затем порывисто подошёл к середине надписи и плюхнулся на колени.

Из-за непроницаемого массива чёрного, как беззвёздного ночного неба, базальта, раздался скрежет металла и непонятный гул, — словно древний механизм, пробуждённый от затянувшегося сна, зевая и потягиваясь, тяжело приступал к исполнению обязанностей. Из кажущейся до этого цельного массива стены слегка выступила назад неправильной формы глыба, а затем важно начала отпускаться вниз, освободив низкий и узкий проход, уходящий в недра горы.

Оба друга недоумённо переглянулись. Не поднимаясь с колен из-за боязни захлопнуть механизм обратно, Рохард скомандовал Олфирру принести два факела и притащить сюда Кинрира с Гаврусом, желательно, не разбудив при этом остальных. Знать о находке им пока не следует.

Минут через пять вся честная компания была в сборе. Первым прошёл вперёд, держа перед собой факел и заряженный арбалет, Олфирр, изрядно переживающий перед отверзшейся пучиной тайн, столь таинственной и загадочной, что взбудораженный ум в момент времени выбрасывал целый фонтан самых фантастических предположений и образов. Вслед за ним последовал Кинрир, недоверчиво подглядывающий в расплывающуюся вдаль густую темень, и осторожно играющий пальцами на спусковом крючке арбалета. Далее пошёл Гаврус, несущий в одной лапе пламя, а в другой арбалет, который, кстати сказать, красовался и на спине. Когда кот вступил в пределы сокрытого коридора, то Рохард рывком вскочил с места и нырнул под покров низкого коробового свода. Тотчас задвинутая каменная глыба вновь ожила и начала степенно, с подобающей ей солидностью, возвращаться на положенное место.

Сняв арбалет со спины Гавруса, он возвестил спутникам, что можно трогаться в путь. Неестественная прямота коридора и излишне правильный для природы свод прямым образом наводили на подозрение в рукотворности прохода, о чём и сообщил Олфирр.

— Должно быть, всё это имело, или имеет, не маловажное значение. Порассудите: не стали же просто так наши предки выбивать в толще базальта туманные высокопарные фразы и долбить в горных недрах коридор, прикрываемый хитроумным механическим устройством.

— И что же ты думаешь мы здесь обнаружим? — спросил Кинрир, в напряжении осматривающий подозрительный коридор, который, как ему казалось, непременно не мог не привести ни к чему хорошему.

— Кто знает. Но в одном я убеждён твёрдо, как скала, — место это необычное и нужно быть готовым ко всему.

Аккурат после этих слов коридор начал быстро снижаться, заставив исследователей преклонить головы, чтобы не прочесать ими потолок. Внезапно потолок возвернулся к своим прежним размерам и сделал крутой поворот влево, скрывающий главную тайну подземелья.

Обогнув поворот, товарищи от растерянности впали в ступор. Прямо перед ними, всего в паре шагов, раскинулся просторный прямоугольный зал, разукрашенный потускневшими от времени красками и резными плитами. В центре чертога высилось уютное и роскошное кресло, пестрящее благородными сине-золотыми оттенками, а над ним раскидывался сферический купол, сплошь укрытый вязью из странных и непонятных знаков. По углам зала были расположены грузные столбы старофлордмундской архитектуры, с искусной резьбой по камню, изображающей всеразличные причудливые сплетения из геометрических фигур, и профилированным основанием, украшенным лицами мифических животных. В противоположной от наблюдателей стене была прорезана апсида, внутренность которой была скрыта занавесью из бархатной пунцовой ткани. Пол почти целиком состоял из тщательно отделанных и пригнанных друг к другу шестиугольных плиток, повторяющих один и тот же монотонный геометрический рисунок. От кресла, словно из светила, перпендикулярно друг другу исходило четыре роскошных благородно-багровых ковровых дорожки, украшенных по краям каймой из бахромы. Весь зал был наполнен приятным и мягким светом, но установить его источник исследователи не смогли, верно, он скрывался вне их поля зрения.

— Не нравится мне всё это, — первым подал голос Кинрир. — Как будто попал в сказку о зачарованных подземельях и сокровищницах. Ощущение, что сейчас камень развернется и выплюнет на нас злого духа, или, что хуже, самого Швайдиса, который навечно захватит наши души и унесёт их с собой.

— Не мели вздор, тебе уже слишком много лет, чтобы думать о таких дремучих суевериях, — немного раздражённо заметил Олфирр.

— Тогда иди первым, — грубо кинул в ответ Кинрир, — мне нет никакой радости так бездарно помереть.

— Как угодно, — холодно отрезал морфит и уверенно шагнул вперёд.

Юркнув в зал, он осмотрелся вокруг и крикнул остальным:

— Давайте сюда, здесь никого уж точно нет — остальные две стены глухие, если у этого места и есть хозяин, то он точно далеко отсюда.

Подождав пару секунд, — надо убедиться, что Олфирра не унесёт чёрт, не поглотит бездна, не задавит потолок и вообще не тронет никакая напасть, — исследователи гуськом, словно воры, прокрались в сокровенный зал. Но не успели они толком осмотреться по сторонам, как заливающий чертог свет погас и уступил место крошечной тьме. Одновременно с этим повстанцы услышали короткий свистящий звук, вслед за которым арбалеты вылетели из их рук, а ноги заключились в некий тягостный и неподвижный панцирь, будто в кандалы, но значительно хуже. Если бы перечисленные события произошли несколько медленнее, то Кинрир, без сомнений, не побрезговал бы откомментировать свою

правоту и заявить: «я так и знал!», но даже для такой короткой фразы не нашлось времени. Столь же внезапно свет снова явился из повиснувших в воздухе шаров по углам чертога и освятил сцену действия.

Перед друзьями, ноги которых, к их же огромному удивлению, были закованы не в что либо, а покрыты мощным каменным слоем, достигающим до колен, предстал странный старец с величавой бородой и с не менее богатым облачением, блистающим шёлком и виссоном из далёких земель сказочного Сарихадунхёра. Аскетичный старик опирался на высокий деревянный посох, отличный великолепной резьбой и замысловатым окончанием, представленным в виде разинутой пасти дракона. Вся фигура незнакомца излучала некую силу, отчётливо ощущаемую всеми присутствующими, а строгий изучающий взгляд лишь усугублял это впечатление. Увидев замешательство на лицах повстанцев, старец решил взять инициативу в свои руки и повелительным тоном задал вопрос:

— Кто вы такие и что вам здесь надобно?

Кинрир уже было разинул рот для не совсем культурного ответного вопроса, но Рохард, заметивший его порыв, своевременно прервал его, шепнув другу, чтобы он захлопнул варежку.

— Мы истые сыны Флодмунда, поклявшиеся сложить наши головы за свободу Отчизны, — почтительно возвестил Рохард и начал рассказ, раскрывающий основную суть произошедших с ними приключений.

— Хорошо, — отвечивал старец, когда рассказчик смолк, — допустим, вы здесь оказались случайно, спасаясь от преследования, но как вы обнаружили скрытый ход в моё прибежище?

На этот раз ответ держал Олфирр, подробно разъяснивший, как он обнаружил и дешифровал выбитую в стене надпись, а Рохард догадался, как применить её на практике. А обследовали они ход из вполне естественного природного любопытства и надежды, что смогут обнаружить здесь что-то ценное или полезное для их нелёгкого дела.

Выслушав объяснение до конца, старец на минуту предался глубокому размышлению, решая сам с собой, поверить ли словам пришельцам или нет. Чаша весов склонилась к первому варианту. Не спеша освобождать спутников от весьма необычных оков, он задал им вопрос, знают ли, кто он такой?

Друзья переглянулись. Пришедшая им на мысль догадка казалась слишком дикой.

— Если бы я не знал о Упадке магии, то, наверное, счёл бы вас за чародея, — робко заявил Олфирр, вцепившись взглядом в собеседника, словно желая этим вырвать тайну сущности из его облика.

Губы старика тронула снисходительная улыбка, но из-за излишне буйной растительности на его лице данный феномен не был замечен остальными. Гордо откинув плечи, он слегка задрал голову кверху и, выставив посох перед собой, важно опёрся на него двумя руками.

— И правильно сделали бы, поскольку я и продолжаю им оставаться, — с явным тщеславием заявил он, наслаждаясь смятением в стане гостей.

— Немыслимо, общеизвестно, что во Флодмунде нет настоящих магов уже много времени, — возразил Олфирр критически оценивая собеседника. — Их в Дартаде и Флорэвенделе пара штук осталось, а то говорить тогда о нас.

Седина густых бровей зло дрогнула.

— Подбирай слова, морфит, — угрожающе прогремел старик, взглядом смилив скепсис Олфирра, — ты говоришь с придворным чародеем великого короля Флодмунда Гельвиша, —

самим Аргусом Денфиллом, лучшим и любимым учеником самого Вернелла Великого.

Высказанные слова произвели глубокое впечатление на присутствующих, ведь при всех наблюдаемых обстоятельствах слова старика не вызывали сомнений. Особенно же был впечатлён Олфирр, знавший о личности хозяина чертога из исторических источников, где колоритная личность самодовольного и склонного к роскоши придворного чародея не раз всплывала во всевозможных передрягах и скандалах, пока, наконец, не исчезла со страниц хроник вместе с Гельвишем Страдальцем.

— Ваше появление здесь было давно предсказано моим учителем, поэтому я пощажу ваши жизни, — вновь начал он после того, как отошёл от гневного приступа. — Сейчас я освобожу вас от оков, а вы исполните предначертанное.

Вычурный посох звучно ударился о каменную плитку и сковывающие ноги повстанцев каменные глыбы по волшебному мановению рассыпались в прах. Чародей молча поманил гостей рукой и, развернувшись, направился к занавешенной апсиде.

— Кажется, я понял, как старый пройдоха умудрился сохранить свои силы, — услышал Рохард над самым своим ухом еле слышный, как шум далёкого прибора, шёпот Олфирра. — Видел в его руках посох?

— Конечно же, я ведь не слепой.

Морфит бегло кинул косой взгляд на маячившего впереди чародея и бегло заговорил:

— Так вот, я вспомнил, что в одной древней книжке, испытавшей на себе весь произвол времени, мне встретилось упоминание Великих Древ, обладавших, как там заявлялось, огромной магической потенцией. В результате определённых событий, точнее, загорской войны между морфитами и гротдорами, Древа были уничтожены или осквернены бородачи, но всё определенное количество древесины удалось сохранить. И вот из этой самой древесины начали изготавливать особые посохи, способные актуализировать магическую потенцию по желанию хозяина, пусть он даже и не обладал бы никакими способностями к чародейству, при условии, конечно, что индивид обладает развитым интеллектом. Так вот, мне кажется, что с помощью этих самых посохов можно предаваться чародейству даже в реалиях Упадка Магии, ведь в них в самих заключён некий запас энергии, который теперь почти отсутствует во внешней среде.

— То есть, — подытожил Рохард, — если бы заберём у старика палку, то он станет точно таким же жалким смертным, как и мы?

Олфирр утвердительно кивнул.

Подойдя к апсиде, волшебник взялся за висевший в правом углу шнурок и эффектным жестом потянул его. Пунцовая материя дрогнула и разошлась в разные стороны, предоставив взору присутствующих великолепный алтарь, возвышающийся посреди апсиды, как гора над равниной. Он состоял из трёх пирамидально сложенных плит, рёбра коих была испещрены древнефлордмундским письмом, слишком каллиграфическим, чтобы поддаваться чтению. На этом стилобате возвышался постамент из двух айгерров — существ из местной мифологии, обладающих головой орла, туловищем волка и хвостом быка, — пропавших в порыве благоговения телом к земле, сцепив хвосты друг с другом, и мраморного держателя, из которого возвышалась секира невиданной красоты. Безукоризненная и гениальная работа говорила о том, что кузнецами этого предмета искусства были явно не люди, таинственный же металл, серебристого цвета с голубым отливом, так же свидетельствовал о необычном происхождении артефакта. Верхняя часть ручки секира была укрыта серебром и инкрустирована опалами, топазами и аметистами, выложенными в виде стрелы.

Волшебник благоговейно отвесил поклон в сторону секиры и быстро произнёс:

— Не лучшая идея.

— Какая? — недоуменно раздалось в ответ.

— Пытаться отнять посох, — невозмутимым тоном ответствовал волшебник, окинув взором Олфирра и Рохарда.

Смущённые до глубины души, они не выдержали взгляда старика и отвели глаза в сторону, неловко переминаясь с ноги на ногу.

— Если бы вы даже отняли у меня посох, то это не повлияло бы на мои силы так кардинально, как вам хочется думать, — пояснил чародей, лукавого поглаживая свою бороду, видимо, он был в крайне благостном состоянии.

— Итак, вы знаете, что *это*?

Присутствие живого волшебника, восставшего из тумана прошедших дней, пребывания в сокрытом в горных недрах подземном чертоге и общая атмосфера таинственности, царившая в этом месте, подталкивали только к одному ответу.

— Секира Бурь, — отчеканил Рохард.

Аргус утвердительно кивнул.

— Полностью верно, это не что иное, как достославная реликвия нашей страны и королевского рода Эфферов, оберегать которую я поклялся ценой собственной жизни. Согласно завету моего учителя, я денно и нощно храню Секиру уже несколько столетий, ожидая часа, когда предначертанное наконец-то сбудется. Давным-давно, когда я ещё был учеником Вернелла, пребывавшего в то время на посту придворного чародея, он вызвал меня к себе и, убедившись, что нас не подслушивают, повел сокровенную речь. Вернелл возвестил мне, как доверенному лицу и будущему преемнику, что он ощутил скверные потоки, сгущающиеся над Флодмундом и долженствовавшие рано или поздно разразиться великими бедами. Пользуясь своим ясным и великим умом, он расписал мне варианты развития наиболее вероятных событий, среди коих присутствовала и, увы, сбывшаяся трагедия. В случае пресечения венценосного рода или раскола державы под произволом соискателей престола я был обязан изъять Секиру из королевской сокровищницы и скрыться с ней в надёжном убежище в толщи *Тьёорхунских* гор, построенном некогда самим Вернеллом для собственных нужд. Завет учителя, как видите, я исполнил, пусть и с необходимой проволочкой, вызванной непредвиденными обстоятельствами, но не будем об этом. Итак, в чём заключалась моя дальнейшая миссия? Как всем известно, Секира Бурь была подвергнута особому заклятию, благодаря которому владеть ею мог только законный и полновластный властелин Флодмунда, но, что же делать, если по каким-либо причинам наша земля иссякнет законными самодержцами? Ответ моего учителя, уж не знаю каким мистическим образом, просочился в народную среду и стал известен, как Пророчество Секиры Бурь, согласно коей, тот, кто обнаружит и овладеет этой реликвией, станет новым королём Флодмунда, который вновь водворит мир на многострадальных землях. Простолюдины однако, то ли из невежества, то ли из глупости, вычеркнули из формулы один важный компонент: не всякий сможет обнаружить и овладеть Секирой, а тот и только тот, кто будет предназначен к этому и достоин совершить предначертанное, либо помочь в осуществлении.

Аргус умолк и в отрезанном от мира подземном чертоге воцарилось напряжённое молчание. Все повстанцы обескураженно и потрясённо поглядывали то на друг друга, то на чародея, испытывающего, в отличие от них, полнейшее, ничем не зыблемое спокойствие. Когда, наконец, нервы каждого начали рваться от напряжения, о ком же из них идёт речь,

волшебник прервал драматическую паузу.

— Рохард Гейбрин, сын Мелькора, ступай ко мне! — провозгласил Аргус.

Нервно сглотнув ком в горле, Рохард полусознательно огляделся налево и направо, а затем неуверенно сделал три шага в сторону чародея.

— Вы уверены, что вам нужен именно я?

— Без малейших сомнений, всё складывается так и именно так как предвещал учитель, а раз именно вам принадлежит честь открыть проход, совершив ритуальное преклонение колен, то, согласно предречённому, именно вам и следует испытать судьбу.

— А что будет, если избранным окажусь не я? — дрогнувшим голосом спросил Рохард. — Вдруг всё это глупая ошибка или козни злых духов?

— Если верить наложенному заклятию, то всякий, кто дерзнет взять Секиру не имея на то законных прав умрёт, — беспристрастно ответил старец, но заметив вспыхнувший страх в глазах Рохарда поспешил его успокоить: — Но переживать нечего, — ошибки быть не могло, а козни злых духов отпадают по причине отсутствия их существования. Поэтому дерзай смело и не вкладывай сомнения в сердце своё.

Легко сказать, но трудно сделать. Вполне закономерно, что после озвученного Рохарду стало не по себе, ведь кому хочется умереть просто потому что не срослось? Прикусив левый край губы, медленными, тяжеловесными шагами, словно бы в ботинки налили свинец, он переставлял ноги, подходя всё ближе к Секире. Сердце начинало болезненно биться, а лёгкие, казалось, лишились доступа к воздуха и задыхались от напряжения. Что, если не он? Что, если кудесник ошибся?

Неожиданно, когда Рохард уже вплотную приблизился к постаменту, Аргус троекратно ударил посохом об пол, после чего сплетённые хвосты айгерров дрогнули и медленно разъединились, уйдя каждый в свою сторону. Оживший было камень вновь неподвижно замер и не подавал более никаких признаков движение. На занятого собой Рохарда это происшествие оказало меньшее впечатление, чем можно было ожидать.

Вступив на площадку перед блистающим лезвием Секиры, он пошатнулся от резко нахлынувшей темноты в глаза. Ладно, он сам умрёт, не велика потеря, но что же будет делать его семья после кончины единственной опоры и кормильца? Стоит ли поставить против неё возможность спасти Отчество и водворить мир на напитавшихся кровью землях? Не велика ли ставка? Ответ пришёл в мучимую терзаниями голову Рохарда с чёткостью и ясностью молнии, прорезающей собой тёмные глубины грозových облаков.

С движением более дерзким и импульсным, чем подобает по этикету для подобных случаев, Гейбрин схватился за рукоять Секиры Бурь и, зажмурился, попытался извлечь её из многовекового хранилища. Ему показалось, что сердце остановилось и всё нутро упало в бесконечное, тягучее, содрагающее душу ничто, смотрящее прямо на Рохарда.

Не в силах вынести обжигающего взгляда бездны, смотрящей одновременно поверх него, окрест него и внутрь его, как бы стараясь погрузить в свои недра самую сущность охотника, причастив его великому ничто, Гейбрин раскрыл глаза и увидел в правой руке великолепное орудие и священный артефакт Флодмунда, лениво поигрывающий под мягким светом искрами своих самоцветов.

Прежде чем повстанцы покинули сокровенную обитель Аргуса, он пообещал вспомоществовать им и отрезать от повстанцев назойливый гон карателей. На вопрос, каким образом, чародей лишь самодовольно улыбнулся.

— Глаза служат лучшими свидетелями, чем уши, — повторил он сентенцию Уальфа,

древнего флудмундского философа, и показал гостям выход из своей обители.

При повороте одного из медных светильников, расположенного с края левой стены, чертог оживился звуком методичной работы механизма, вслед за которым не замедлило явиться и наглядное его появление: плита, закрывающая до этого часть стены, начала быстро опускаться вниз, освобождая тёмный проход позади себя.

— Этим путём вы окажитесь в той же пещере, откуда вы сюда попали, — пояснил чародей, когда плита окончательно скрылась из вида.

Прежде чем все попрощались и скрылась в сумраке прохода Олфирр успел кинуть вдогонку вопрос.

— А что, есть и другие?

— Быть может, — загадочно отвечивал волшебник, — я стар и многого уже не помню.

Вновь преодолев путь в потьмах, повстанцы очутились перед глухой стеной и подозрительно выглядящим рычажком, тянущимся на себя. Испробовав его услугу, Рохард заставил отступить ложную стену и он вместе со спутниками вступил под тёмные базальтовые своды пещеры, из которой столь недавно и столь, как ему сейчас казалось, давно он ушёл в таинственный проход, роковым образом обрушивший на его голову высочайшую ответственность, какую только и можно представить.

Не успел он толком приспособиться к новой обстановке, как со стороны входа в пещеру, а если быть более точным в деле локации, то снаружи, донёсся страшный грохот, будто низвергнулась сотня водопадов или кто-то подпалил в горах мощный пороховой заряд. Изрядно перепуганный, Рохард вместе с друзьями и некоторыми проснувшимися сотоварищами прожогом вынурнул из укрытия и тотчас дрогнул под оглушительным ударом шквала снега и льда. Вынужденные отступить перед неумолимой силой стихии, повстанцы забрались обратно в своё тёплое и безопасное убежище, решив, что спорить с природой бесполезно, — придётся осматриваться завтра утром, когда метель стихнет. Окончив с вопросом, повстанцы сызнава рухнули на свои лежбища и крепко уснули. В расстелившимся по пещере озеру дремоты и сна чуждо возвышалось лишь пару островков бодрствования, представленные Рохардом и его друзьями. Снова и снова воскрешая в памяти минувшие события, они вновь и вновь наткнулись на настырную мысль: не было ли это всё сном, миражом, маревом, наваждением? Мысль логическая и соответствующая здравому смыслу, но после одного взгляда на Секиру Бурь, проявляющуюся здесь во всей своей чёткости и полноте, так, что мысль о её эфемерности казалась безумием, доводы здравого смысла пристыженно смолкали. Особенно же был подавлен грузом произошедшего Рохард, переживавший неопишущую бурю страстей и помыслов, поедающих друг друга и впивающихся острыми когтями в страждущую душу Рохарда. Ворочась с бока на бок, он тщетно отбивался от нашествия мыслей, подобных рою комаров, шепчущих ему всевозможные варианты развития дальнейших событий, которые несомненно последует за рухнувшей на его плечи огромной ответственностью, все те страшные перипетии, которые могли бы ринуться на его голову и погребсти под собой, лишив его жизни, а семьи единственного защитника и кормильца. Вконец исстрадавшись и измучившись он заснул под самое утро, сражённый усталостью.

Проснувшись от шума, поднятого начавшими пробуждаться сотоварищами, он грузно поднялся, точно побитый палками, и поплёлся в разведку, дабы узнать о причине вчерашнего шума. Плотный плащ метели спал и открыл закрытую доселе панораму,

значительно изменившуюся за последний день. Позади входа в пещеру, всего в каких-то жалких ста шагах, горная тропа была сплошь раздавлена, покрыта и закрыта колоссальными снежным массивом с многочисленными вкраплениями горной породы. Путь назад был отрезан. С одной стороны, это наверняка избавляло от гнетущей опасности погони, ведь теперь перехватить повстанцев не представлялось возможным, с другой, вернуться назад теперь также было проблематично, ведь при наступавшей зиме пройти по другим перевалам было весьма рискованным делом, так как при холодной поре эти тропы превращались в сущие могильные холодильники, опасные для всякой живой твари. Что ж, подумал Рохард, наверное, это к лучшему, придётся идти избранным путём до конца.

Из воздушной серой горы одинокими путниками вылетали мелкие снежинки, медленно сниспадающие в трагическом танце. Земля уже была укрыта узорчатой кружевной скатертью, затейливо извивающуюся над сенью вечнозелёных игольчатых деревьев, будто нарочно созданных для сурового климата Севера. Но не всё было столь безмятежно в глубинах скральдсонского леса.

Тёплый алый ручей, вязко текущий по промерзлой земле, мрачно растапливал снежные узоры, заменяя их ужасным следом кровавой реки. На одинокой просёлочной дороге, затерянной в чаще глухого леса, виднелась остановившаяся процессия из трёх повозок и более двух дюжин крепких скральдонских коней. Подле скакунов виднелись и их всадники: мужественные и грубоватые дети северных снегов с одинаково суровыми лицами и схожими выражениями лицами, наводящими на нелепую мысль о том, что все одни изготовлялись в одном ремесленном цеху. Облачённые в тёплые меховые мантии, искусно сопряжённые с кольчугой и бронёй, они неспешно возились над ещё горячими трупами, беспорядочными горстями рассеянными как по дороге, так и вокруг неё. Тела располагались в различных позах, разнообразие коих, однако, не мешало их обобщить в одном понятии, — все они были преданы насильственной смерти. Присмотревшись внимательнее к застывшим лицам, мы можем различить как, судя по лицам и обмундированию, товарищей северных мужей, сражённых в самом расцвете молодых сил, так и разнобитный сброд, облачённый в броню различных материалов и типов. С уважением оттаскивая трупы первой группы на самодельный помост из хвороста, привязанный к крайней повозке, воины сосредоточили особое внимание на представителях второй, по большей части, благодаря неожиданному разнообразию их карманов на всевозможные безделушки, подчас достаточно ценные или небезынтересные. Обирание мертвецов подчас сопровождалось грубыми насмешками и выходками, призванными унизить достоинство поверженных противников.

В самом окончании этой странной картины, подле наибольшего экипажа, роскошно украшенного виртуозной резьбой по дереву и запечатленному весьма внушительным геральдическим гербом, стояло два человека, одновременно похожих и не похожих друг на друга. Первый был молодой русоволосый человек, чрезвычайно высокий по людским меркам, с телом атлета и новой мыслителя, что делало его весьма схожим на ожившую статую какого-нибудь талантливого халфского скульптора. Подобное впечатление несколько скрашивалось виллером, — длинным зимним дартадским плащом, сделанным из тёплой материи и отороченным северной пушиной, делавшим фигуру молодого человека менее чёткой. Под порывами студёного ветра, долетающего сюда из самого моря Бурь, дартадец каждый раз невольно ёжился от холода, а побеспокоенный плащ давал различить

характерный металлический блеск множества мелких пластин, скрытых под его надёжной опекой. Сосредоточенные серые глаза незнакомца неспешно бродили по округе, изредка одаривая своим вниманием собеседника. Этот мужчина был значительно ниже, но старше своего соседа, пребывая в доподлинном расцвете душевных и телесных сил, что превосходно оттенялось богатой соболиной шубой. Немного вытянутое умное лицо украшалось бурной светлой шевелюрой и вычурной бородкой, треугольником торчащей вниз. По уровню возбуждения он значительно превосходил молодого человека, — холодные синие глаза повсечастно разражались снопами искр, а из уст выплывали сложносочинённые конструкции. В чём же была схожесть этих двух людей? Как можно было уже понять, отнюдь не в внешности. Объединяла их общая манера держаться, насквозь пропитанная аристократизмом и чувством собственного достоинства, а также едва уловимая схожесть в чертах, доступная лишь для опытного наблюдателя.

Когда возле собеседников один из воинов перевернул с живота труп, облачённый в изумрудную бригантину с багровым пятном возле сердца, молодой человек внезапно оживился и что-то кинул старшему соседу. Тот молча кивнул в ответ. Отойдя от экипажа, дворянин отстранил воина от тела и, нагнувшись над ним, принялся всматриваться в неподвижные черты лица усопшего.

— Рохард, что же ты наделал, — задумчиво протянул он философским тоном, отдающим и некими скорбными нотками.

Но стеклянные глаза покойника не ответил на укор. Повысив голос, молодой человек спросил, не осматривал ли кто тело флордмундца до этого. Первоначально ответом было всеобщее молчание, смешанное с раболепными взглядами, устремлёнными на светловолосого господина, — без его приказа воины не шалохнут и пальцем, так велит местный обычай.

— Что молчите псы? Отвечайте на вопросы господ, если не желаете познакомиться с палками, клянусь бородой Торегина! — прогремел он, возвысившись в угрожающей позе, подобно разъярённому медведю.

Из почтительно согнувшихся воинов выступил один шрамированный муж, сообщивший, что в пылу битвы из-за бригантини Рохарда выпало некое письмо, которое он после поднял и имеет при себе. Под действием свежего выговора, он беспрекословно отдал молодому человеку испещрённый чёрными знаками кусок бумаги.

Эйфире Бре, Улица Вязов Не знаю, дорогая, дойдёт ли теперь до тебя когда-нибудь это письмо, но возлагаю упование на духов, что они смилуются над нашими душами и доставят его тебе. Как ты уже знаешь, наш план по воссоединению с треском провалился под землю и мне с соратниками пришлось бегством спасти жизнь от цепных псов пожирателей нашей Отчизны. Загнанные в угол, как лесные звери во время травли, у нас не осталось иного выбора, как уйти в горы и скрыться в чуждом краю отверженными скитальцами. Совершив это, мы смогли уйти от преследования, но подверглись страху голодной смерти из-за наступающей зимы. Не знаю, как мы её переживём, но обещаю тебе, что всё закончится благополучно и, когда всё уляжется, я всё-таки заберу тебя с детьми. Крепись духом и мужайся, придёт час, когда мы вновь встретимся, обещаю тебе это. Твой любящий муж, Рохард.

Прочитав письмо до конца, Магнификус дважды сложил кусочек бумаги пополам и спрятал в недрах виллера. Быть может, не воспитай его столь строго, он закусил бы в задумчивости губу, но этого не произошло. Тяжёлая история. Окинув охладевшее тело Рохарда ещё раз и с трудом узнав в нём того, кого он некогда повстречал в тёмное переулке, Квинтиллиан быстрым шагом подошёл к беловласому человеку и попросил его об одной услуге.

— Для вас всё что угодно, вы спасли мне жизнь и я обязан вам отплатить, — торжественно заявил северный аристократ, подтвердив слова широким жестом руки.

— Охотно ловлю на слове. В таком случае, прошу, распорядитесь, чтобы ваши люди предали земле для вечного покоя кости этих людей.

На широком лбе беловласого человека вырисовалась недовольная складка, а изящная бородка гадливо дрогнула.

— Прошу прощение, Вы желаете, чтобы мы оказали последнюю честь этим псам, желавшим обчистить нас донага, как конунгские сборщики податей, а затем и вовсе посесть наши жизни мечом?

— Я желаю оказать последнюю честь тому человеку, которому поклялся сам себе отдать долг, если на то по божьему произволению выпадет возможность, — чётко и размеренно, словно машина, отчеканил Магнификус, впери в собеседника свой фирменный взгляд, прожигающий, по уверению многих, насквозь. — Как потомственные дворянин я обязан сдерживать это слово и, более того, так как мне положено отдавать с лихвой, я хочу, чтобы все спутники этого человека также были преданы в пуховое лоно земли. Всё, если Вы откажете, то, клянусь, я сделаю это сам. Как говорят у меня на Родине, dixi.

Раздумав с некоторое время, достаточное для тщательного обдумывания, но и достаточно короткое, чтобы не оскорбить собеседника, беловласый человек ответил согласием.

— Ринхерд, — крикнул он.

К нему подступил офицер, почтительно прислонив правую руку к сердцу.

— Предайте этих... — видимо, аристократ хотел отсыпать нелестный эпитет, но вовремя осёкся, — людей земле. И как можно быстрее, я не намерен стоять здесь вечность.

Пока солдатня была занята рытьём могил, Магнификус обратил внимание на лежащую подле Рохарда секиру, коей он раньше не предал особого внимания, поглощённый мыслями о её хозяине. Подняв оружие, он удивился как её удивительной лёгкости, так и поистине виртуозной работе, если он не ошибался, принадлежавшей гротдорским мастерам. Металл лезвия живо напомнил ему юношескую поездку в Урванийские горы, в Монтибус, когда он сопровождал отца, явившегося с чрезвычайной проверкой работы Горной Коллегии. Вполне естественно, что таскать с собой юнца по пыльным кабинетам Коллегии и знойным плавильным цехам не было особого смысла, поэтому его сбагрили на руки одному чиновнику, с поручением провести экскурсию и вообще как-то развлечь поросль Магнификусов. Тогда, среди последних достижений дартадской металлургии, он и видел подобный сплав, вызвавший у чиновника Горной Коллегии особую гордость, так как, по его заверениям, это было гигантским прорывом, сулящим многие выгоды. Да, крайне занимательная вещь, интересно, откуда она взялась у Рохарда? Даже если он и отобрал её у кого-то силой, то это кажется неправдоподобным, ведь качество исполнения и диковиность материала слишком высока для Флодмунда.

— Чрезвычайно интересная вещичка, не правда ли? — заметил чей-то голос прямо из-за

спины, словно считав мысли Квинтилиана.

Обернувшись, Магнификус увидел своего беловласого собеседника. В его взгляде чувствовалась некая таинственность и жадный интерес, будто бы артефакт интересовал его не просто, как произведение искусства, но как нечто большее, качественным образом большее.

— Бесспорно, — лаконично подтвердил Магнификус, тщетно пытаясь угадать причину столь странного взгляда.